

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Сандроне ДАШИЕРИ

Впервые
на русском!

ЗЛО, КОТОРОЕ ТВОРЯТ ЛЮДИ

18+

Захватывающий, умный, пугающий,
самобытный, совершенно зверский роман.

The Times

Звезды мирового детектива

Сандроне Дациери

Зло, которое творят люди

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Дациери С.

Зло, которое творят люди / С. Дациери — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-25192-2

Давным-давно Итала Карузо, полицейская «королева», управляющая разветвленной коррупционной сетью, была вынуждена посадить человека, которого ложно обвинили в том, что он похитил и убил трех девушек-подростков. Спустя тридцать лет случается новое похищение – и жертва, шестнадцатилетняя Амала, понимает, что вряд ли выберется живой, если не найдет способа сбежать самостоятельно. Амалу, впрочем, ищут. Ее ищет Франческа Кавальканте, сестра ее матери, адвокат, которой тридцать лет назад не удалось уберечь невинного от тюрьмы, – и сейчас она подозревает, что серийный убийца, оставшийся тогда на свободе, вновь взялся за дело. А еще Амалу ищет некто Джерри, любитель собак и обладатель крайне разносторонних познаний в самых неожиданных областях, вроде бы просто израильский турист, который, однако, примчался в Италию, едва стало известно о новом похищении, и готов на все, чтобы спасти девушку. Даже на убийство. Сандроне Дациери – прославленный итальянский автор триллеров и нуаров, бестселлеров, которые с большим успехом издаются в тридцати странах. «Зло, которое творят люди» – его новый роман, и здесь будет все то, чего мы ждем от триллера: страшные тайны, погони за призраками, обманные ходы, незабываемые персонажи – а если нам очень повезет, быть может, в финале даже восторжествует справедливость, хотя гарантий, конечно, нет.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-25192-2

© Дациери С., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Рейд. Наши дни	7
Букалон. Тридцать два года назад	17
Берлога. Наши дни	34
Охота. Наши дни	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сандроне Дациери

Зло, которое творят люди

*Моей сестре Стефаниш, которая всегда принимала меня таким,
как есть*

Переживает нас
То зло, что мы свершили, а добро
Нередко погребают с пеплом нашим.
Уильям Шекспир. Юлий Цезарь¹

¹ Акт I, сц. 2, перевод М. Столярова.

Рейд. Наши дни

1

Когда началось чистилище, Амала сидела в автобусе, выезжавшем из Кремоны. За окном домишки из одного-двух этажей, стоявшие тесными группами, чередовались с полями кукурузы, разросшейся больше обычного из-за сильной жары, что продолжалась весь сентябрь. В автобусе держалась духота, хотя большинство набившихся в него школьников мало-помалу сошли на предыдущих остановках.

Провинциальная дорога пролегла еще через пару селений – каждое меньше предыдущего и дальше от своих собратьев – и после нескольких полей приводила в Читта-дель-Фьюме, который, вопреки названию², представлял собой средневековый поселок с тремя сотнями жителей, состоящий из зданий красного кирпича и сообщающихся дворов. Семья Амалы (чье имя произносилось с ударением на вторую «а»), однако, предпочла еще более уединенный особняк, расположенный в роще в километре от центра. Амале совершенно не нравилось жить в деревне, и она досадовала из-за того, что не могла объяснить это друзьям. Если она жаловалась, что нашла в шкафудохлую мышь или что в сливе одного из туалетов застряла лягушка, – причем не один, а *несколько* раз! – ее считали избалованной.

Когда у тебя знаменитые родители – хотя, если честно, ее предки не *такие уж* и знаменитые, – все думают, будто они еще и богаты. На самом деле ее мать за последние пять лет не выпустила ни одной книги, а отец-архитектор терял один заказ за другим, потому что строил из себя художника, что Амале казалось ужасно кринжовым для пятидесятилетнего мужчины.

Амала сошла на единственной поселковой остановке, перепрыгнув через выбоину. Небо, пересекаемое светлыми облаками, постоянно меняло цвет. К счастью, облака были сухими – в дождливую погоду ее дом становился холодным и сырым. В тридцатые годы, когда особняк спроектировал архитектор, которого отец Амалы с гордостью величал еретиком, еще не было ясно, как работает термоизоляция. Вдобавок форма здания, по ее мнению, была настолько нелепой, что вместо виллы Кавальканте, как его переименовал отец, все называли дом «Утюгом».

С *Måneskin*³ в наушниках Амала миновала колоннаду небольшой площади, пересекала каменный мостик и вышла на проселок, ведущий к ее дому. По длинному пути к «Утюгу» вела еще и асфальтированная дорога, но в хорошую погоду Амала никогда ею не пользовалась.

Свежий ветерок отдавал пшеницей и ромашками, а еще какой-то дикой ядовитой черникой, которая воняла ногами. Прямо на перекрестке с грунтовкой, прислонившись к задней двери чистенького белого фургона, стоял какой-то тип и курил мятую сигарету. Он был высоким и толстым, с седыми волосами, завязанными на затылке, в темных очках и медицинской маске. Амала наугад дала ему лет шестьдесят с небольшим, хотя сказать наверняка было невозможно.

Она ухватила за фонарный столб и, сделав полупируэт, благоразумно перепрыгнула на другую сторону дороги. Во время этого маневра она на мгновение взглянула мужчине прямо в лицо, и ее поразила восковая бледность той его части, которая оставалась неприкрытой.

Ускорив шаг, чтобы побыстрее пройти мимо, она направилась по тропинке между свежескошенными полями люцерны с последними рулонами сена, готовыми к сбору. Посторо-

² *Città (um.)*. – город. – Здесь и далее примеч. перев.

³ *Måneskin* (с 2016) – итальянская рок-группа, победители «Евровидения-2021».

нившись, чтобы пропустить шумную и очень медленную механическую борону, она воспользовалась случаем и бросила взгляд на перекресток: фургон исчез, мужчина тоже. Испытав иррациональное облегчение, Амала сделала музыку погромче и прошла несколько сот метров до участка своей семьи, видневшегося за кипарисами.

Участок площадью около десяти гектаров был обнесен стеной и живой изгородью из бирючины; на его задней стороне, обращенной к сельской местности, находилась электрическая калитка. Амала достала из рюкзака связку ключей, но когда вставила ключ от калитки в замочную скважину, тот застрял на середине. Ключ не входил до конца и не вытаскивался, и после нескольких попыток она нажала на кнопку видеодомофона. Огоньки камеры не зажглись.

В августе из-за постоянно работающих кондиционеров электричество несколько раз отключалось, и Амала подумала, что случился один из таких сбоев. Она выключила музыку на мобильнике и поискала номер матери, надеясь, что *творческий транс* не мешает той взять трубку.

В этот момент на нее упала тень, и Амала поняла, что уже не одна.

2

Сандей потребовался час, чтобы заметить, что Амала слишком долго не возвращается. Обычно она прибегала домой голодная как волк, но случалось и так, что она останавливалась поболтать с друзьями и теряла счет времени. Сандей послала ей сообщение, а затем вернулась к написанию статьи, понимая, что не следовало соглашаться на этот заказ. Предстояло дать рецензию для *New Yorker* на роман, который ей не понравился, однако по личной причине она не хотела разносить произведение в пух и прах, хотя и превозносить тоже не собиралась. Среди постоянных читателей журнала, помимо костяка из стареющих ньюйоркцев, принадлежащих к высшему обществу, были все самые влиятельные критики и множество коллег, которые не простили бы ей плохого стиля – особенно после пары лет пандемии, отрезавших ее от Соединенных Штатов и от *reading*⁴.

К тому времени, когда она снова подняла взгляд от экрана компьютера, прошло еще сорок пять минут. Дочь так и не ответила на сообщение. Сандей попыталась позвонить ей, но услышала только механический голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Страха она не почувствовала, по крайней мере не сразу, – только знакомый спазм в животе, который испытывала каждый раз, когда понимала, что кровь от ее крови больше не ее придаток, а мыслящее существо, путешествующее по миру, – впрочем, как и она сама. Уроженка народа йоруба, двадцать лет назад она вышла замуж за Танкреда в Нью-Йорке, куда иммигрировала ее семья; за годы брака они так и не стали по-настоящему близки.

Те же проселки, по которым она совершенно спокойно ходила даже в темноте, становились опасными и зловещими, если она представляла там дочь. Когда в возрасте десяти месяцев Амала впервые пошла, Сандей пронзило болезненное осознание, что дом представляет собой смертельную ловушку. Малышка могла упасть с лестницы и сломать спину, утонуть в ванне, получить удар током. И по мере того как девочка становилась старше, опасности возрастали пропорционально ее независимости. Каждый шаг, который дочь делала прочь от нее, от ее бдительного взгляда мамы-тигрицы, мамы-ястреба, был шагом к возможным несчастьям, возникавшим в воображении Сандей в мельчайших подробностях. Ей хотелось сгладить мир для своей дочери, сделать его мягким, розовым, пахнущим сладкой ватой и безвредным. Но это было выше ее сил, и она научилась сдерживать свои тревоги. Сейчас ее сдержанность лишь слегка поколебалась: Амала наверняка задержалась где-нибудь, развлекаясь в свое удовольствие.

⁴ Чтения (англ.).

Сандей обулась, вышла в сад и, обогнув дом, оказалась на заднем дворе. Как она ни вглядывалась в даль, приближающейся фигуры дочери не было заметно. Тревога нарастала, и на этот раз женщину почти затошнило. Не оставляя попыток дозвониться до Амалы, она села в двухместный электромобиль, который они использовали для коротких поездок, и направилась к автобусной остановке. Как раз подъезжал очередной автобус, и Сандей остановилась, чтобы понаблюдать. «Вот увидишь, Амала в нем, – убеждала она себя. – Вот увидишь, она выйдет, как только...»

Автобус снова тронулся. Никто не вышел.

Ладони Сандей вспотели, живот свело до боли. Со скоростью пешехода она доползла до дома через центр Читта-дель-Фьюме, затем развернулась и поехала по проселку, подпрыгивая на каждой выбоине. Машина не слишком подходила для такой дороги, но Сандей это не волновало. Припарковавшись у ограды, она вышла, намереваясь продолжить поиски пешком. Тогда-то ее взгляд и уловил связку ключей Амалы, свисающую из замка калитки.

3

Амала медленно приходила в сознание. Тело ощущалось как резиновое, сквозь веки виднелись облака света, но она поняла, что лежит на твердом полу, чьи выступы впивались ей в спину. Она попыталась пошевелиться, и все снова расплылось. Цвет накатывал волнами. Вспомнилось, как однажды она попробовала кетамин и чуть не упала в обморок. Прежде чем ноги налились тяжестью, она испытала похожее ощущение, но в тысячу раз менее интенсивное. И менее приятное. Сейчас она чувствовала себя расслабленной и умиротворенной.

Когда цветной прибой в очередной раз отступил, пол завибрировал и затрясся, и Амала услышала глухой шум, напоминающий...

Двигатель.

Она уснула в автобусе? Нет, она вышла и...

Амала снова отключилась, а затем очнулась, услышав пластиковое шуршание. Звук послышался снова: снаружи кто-то отрывал мокрый клейкий пластик. Она сообразила, что лежит в кузове некоего фургона, покрытого изоляционной пленкой. Вокруг царил полная темнота.

Ей кое-как удалось собраться с мыслями, которые тем не менее очень медленно ворочались в голове. Она не боялась, и ей было слишком удобно, чтобы попытаться встать. Ни одна кровать, на которой она когда-либо спала, не была такой мягкой.

Но я не должна здесь находиться.

Руки двигались словно чужие, но она пошарила по себе в поисках мобильного и не нашла его. Не оказалось его и рядом. Разочарование слегка ее встряхнуло.

Его забрал тот мужчина.

Какой мужчина? Смутно привиделось белое лицо в темных очках и одной из этих голубых масок. Где она его встречала?

«Он стоял рядом со своим фургоном», – вспомнила Амала. Но она видела его и позже.

Она входила в дом, и...

Появился он. Приблизился к ней...

Как она ни старалась, больше ничего вспомнить не могла. А теперь она лежит в каком-то фургоне.

В его фургоне.

В белом фургоне.

Он похитил меня.

Теперь, когда ей удалось довести цепочку рассуждений до конца, казалось невероятным, что она не подумала об этом раньше. Маленький прилив адреналина пробил брешь в облаке блаженства, и та, быстро расширившись, показала Амале, что находилось за его пределами.

Меня похитили.

От смеси тревоги и волнения у нее перехватило дыхание и в голове еще больше прояснилось. Что бы ни дал ей тот мужчина, действие препарата ослабевало. Она пленница – и должна сбежать, пока он не вернулся.

Затем ее обожгла мысль: вдруг тот тип что-то с ней сделал, пока она спала? Что-то мерзкое. Она нащупала под джинсами свои трусики. Похоже, все в порядке.

«Не бойся, – сказал он тогда, надвигаясь на нее. – Не кричи».

Остатки розового облака рассеялись, и ее сердце заколотилось как бешеное.

Пальцами, которые начали слушаться, она снова порылась в карманах. Мужчина забрал ее мобильник, но оставил ключ от велосипеда с брелоком-фонариком, которым она пользовалась, когда отстегивала цепь по вечерам. Она попробовала его, и слабый зеленоватый лучик показался очень ярким после долгих минут – *или часов?* – в полной темноте.

Фургон был пуст, его стены покрывала пленка из ПВХ, приклеенная скотчем. Сменив позу, Амала направила луч вниз. Задняя дверь тоже была обтянута пленкой, виднелась только металлическая ручка. Эта ручка находилась всего в метре с небольшим от ног, но поиски брелока лишили Амалу сил.

Отчаянно вцепившись в пленку, она встала на четвереньки и поползла к двери. Вся в поту, она наткнулась на дверь и схватилась за ручку, но рука соскользнула, и ноготь на указательном пальце сорвался. Амалу пронзила боль, но она сдержала крик. Подождав, пока пульсация в пальце не станет почти терпимой, она снова схватилась за ручку другой рукой. И начала поднимать ее, но ручка внезапно заклинилась и выскользнула.

Кто-то открывал дверь с другой стороны.

В панике Амала шарахнулась назад, развернувшись на корточках, выронила фонарик и свернулась калачиком на полу. Фургон слегка накренился в ту сторону, откуда блеснул свет, проникший в кузов, когда темная фигура входила и снова запирала дверь, превращаясь в тень среди теней.

– Кто ты такой?.. – пробормотала Амала. – Что ты хочешь со мной сделать?..

Темная фигура стала плотью и дыханием. Прижала ее к полу.

– Тсс.

Никто толком не знает, как отреагирует в опасной ситуации, если уже не испытал себя десятки раз. Амале не раз случалось кричать героям телесериалов, которые застывали перед лицом опасности, чтобы они бежали или защищались: «Беги, тупица!», «Дай ему по яйцам!». Однако сама она понятия не имела, как бороться с насилием, ни разу даже не таскала за волосы одноклассниц и не прошла ни один из курсов самообороны, которые до посинения предлагала ей мать. Так что она без рассуждений принялась молотить похитителя руками со скрюченными пальцами и совершенно случайно попала по уху мужчины. Тот, вскрикнув от боли, снова придал ей своим весом.

– Прекрати, – снова сказал он голосом, до странности высоким для такого верзилы.

Его ручища обхватила ее лицо. Амала попыталась укунить ее, но в шею что-то кольнуло, и она снова потеряла сознание.

4

Через три часа после исчезновения Амалы Сандей и ее муж Танкред, поспешно вернувшийся домой, подали заявление о пропаже дочери местным карабинерам. Амала была несовершеннолетней, показания родителей казались заслуживающими доверия; заявление приняли и

срочно направили в прокуратуру, которая, в свою очередь, разослала ориентировку широкому кругу лиц, от карабинеров и добровольцев Красного Креста до телефонной службы доверия для подростков и армии.

К ужину около сотни человек уже прочесывали окрестности Читта-дель-Фьюме, а оперативная группа опрашивала учителей и друзей девушки. Всю ночь в гостиной виллы не прекращался поток посетителей, от знакомых до полицейских, мобильники безостановочно звонили, а над местностью на малой высоте кружил вертолет, но бесполезно – Амалы не было и следа. О новости трубили все ведущие агентства, поскольку Сандей и Танкред были известны во всем мире. От интервью они отказались, но Сандей согласилась записать обращение для завтрашней новостной программы. «Пожалуйста, если у кого-то есть сведения о моей дочери...» и так далее.

В полночь на своей «тесле» приехала Франческа Кавальканте.

Эта элегантная женщина лет шестидесяти, с шеей а-ля Модильяни, была сестрой Танкреда и семейным юристом. Последние несколько часов она провела за телефонными переговорами со всеми своими знакомыми из разных прокуратур, настойчиво подгоняя поиски. Когда она раздражалась, в ее голосе проявлялся британский акцент: до прошлого года она работала и жила в Лондоне.

Дорогу к вилле перегораживали полицейские автомобили и фургоны телевизионщиков, и Франческа в объезд добралась до задней калитки, в которую несколькими часами ранее должна была войти Аমাла. Сейчас калитку фотографировала группа мужчин в белых комбинезонах. Это зрелище, сделавшее все слишком реальным, стало для Франчески ударом под дых.

Поперек пешеходной дорожки была натянута двухцветная лента, которая продолжалась до двери веранды, входила в дом, а затем поднималась в комнату Амалы. Франческа припарковалась там, куда ей показал карабинер, вошла через кухню и, услышав голоса, достигла гостиной. Обняв невестку, издерганную и заторможенную от лоразепама, она вышла на подъездную дорожку.

– Окружной прокурор уже прибыл?

– Да, это Клаудио. Он ждет нас там.

Клаудио Металли, старый друг семьи и однокурсник Франчески, был действительно лучшим из всех, на кого они могли рассчитывать. Высокий и лысеющий, в галстук от *Marinella*, он сидел за столом из тикового дерева в зале, занимавшем почти весь первый этаж. При появлении бывшей однокурсницы он встал, чтобы ее обнять.

– Привет, Франческа.

– Спасибо, что так быстро приехал.

– Само собой.

Франческа села рядом с невесткой.

– Итак, – начал Металли, – сразу оговорюсь: если бы мы не были знакомы всю жизнь, я не рискнул бы сказать вам ни слова. Но я знаю, что вы ни о чем не проговоритесь, потому что понимаете: это поставило бы под угрозу расследование.

– Ну же, Клаудио... не тяни... пожалуйста, – попросил Танкред.

– Так или иначе... мы восстановили передвижения Амалы. Продавец из газетного киоска на площади видел, как в 13:45 она вышла из автобуса, приехавшего из Кремоны. Он твердо в этом уверен. По его словам, за мостом, который сейчас осматривают криминалисты, она свернула на проселок. Он также сказал, что в это время на перекрестке был припаркован белый тентованный фургон «дукато». За рулем находился высокий мужчина, которого он никогда раньше не видел. Другие свидетели подтвердили, что через несколько минут фургон уехал.

На мгновение воцарилась тишина, пока остальные переваривали новость.

– Я так и знал... так и знал, что ее похитили, – пробормотал Танкред.

– Подожди, подожди, – тут же остановил его прокурор. – Мы выясняем, кто этот человек, и разыскиваем фургон, но на данный момент это может оказаться простым совпадением.

– У нас есть описание? – спросила Франческа.

– К сожалению, довольно общее. Высокий, грузный, седые волосы, собранные на затылке, немного похож на старого хиппи. Тот факт, что никто из тех, кто видел этого человека, не узнал его, возбудил внимание мобильного подразделения, ведь вы тут все немного знаете друг друга, по крайней мере в лицо.

– Возможно, он попал на записи наших камер, – предположила Сандей.

– Мы уже проверили. Камеру на калитке вывели из строя. Остальные ничего не записали.

Франческа поняла, что похититель действовал не спонтанно: он знал расписание дня и маршрут ее племянницы.

– Сумасшедший, – чуть не плача, прошептала Сандей. – Бог знает, куда он увез ее...

– В настоящий момент его мотивы нам неизвестны, – продолжал Клаудио. – Возможно, вскоре он свяжется с вами, чтобы потребовать выкуп. Или он может оказаться помешанным, который думает, что она его дочь...

Наиболее вероятную версию Металли опустил, но Сандей это не обмануло.

– Или он *sex offender*⁵. Маньяк, который хочет... изнасиловать мою дочь, – сказала она и разрыдалась.

– Сандей, мы найдем его. Если твою дочь действительно похитил этот человек, мы скоро его найдем.

– Может быть, недостаточно скоро, – всхлипнула Сандей.

5

Амала не знала, как долго ворочалась в забытьи, но, внезапно открыв глаза, обнаружила, что лежит на кровати в маленькой комнатке, полностью выкрашенной в белый цвет. Глаза почти слезились от резкого света. На нее поверх маски смотрел лысый мужчина.

– Как ты? – спросил он. – Не тошнит?

Амала попыталась пошевелиться, но не смогла – запуталась в простынях.

– Что... – хрипло выговорила она. Горло было словно картонное. – Где...

Она в больнице? Что с ней случилось?

Врач потрепал ее по щеке:

– Знаю, ты чувствуешь себя странно. Но не беспокойся, это нормально. Это предварительная анестезия.

Анестезия?

– Я ранена?

– Просто рутинная операция.

– Операция?

Врач встал и подкатил к ней тележку из супермаркета с примотанным скотчем баллоном. На враче был халат, изорванный практически в клочья и зашитый неровными швами.

Но в какую больницу я попала?

Палата тоже была слишком маленькой, едва ли больше чулана, а светильник, висящий над головой, представлял собой голую лампочку, закрепленную скотчем. Амала снова попыталась пошевелиться и на этот раз поняла, что ей мешают не простыни: что-то сковывало ее запястья и щиколотки.

Врач взял резиновую маску, соединенную с баллоном гофрированной трубкой.

– Вдохни поглубже, и ничего не почувствуешь, – велел он, снова повернувшись к ней.

⁵ Сексуальный преступник (англ.).

– Нет... подождите.

– Ну же, будь умницей, – сказал врач, улыбаясь под маской.

Амала заметила на его левом плече кровавое пятно. Кровь капала из его уха, заклеенного большим квадратным пластырем. Он проследил за ее взглядом.

– У тебя красивые ноготки. Пожалуй, придется их подстричь. К счастью, на мне были резиновая маска и парик.

Амала все вспомнила. Автобус. Фургон. Белое лицо. Калитку.

– Это ты... – проговорила она. – Это ты...

В панике она попыталась высвободиться, но мужчина крепко удерживал ее и надел на нее липкую вонючую маску. Она отчаянно задерживала дыхание, дрожа от напряжения, пока ей не пришлось вдохнуть газ.

Мужчина дождался, пока девушка глубоко заснет, затем расстегнул фиксирующие ремни, перевернул ее на бок и разрезал рубашку на ее спине, обнажив лопатки. Нарисовал фломастером круг рядом с левой ключицей, взял трепан⁶ и приступил к работе.

6

Франческа проводила Металли до машины, чтобы поговорить с ним наедине.

– Когда пропадают девушки ее возраста, это почти всегда оказывается сексуальным преступлением, – сказала она.

Металли взял ее под руку. Хотя уже перевалило за полночь, воздух еще оставался теплым.

– Незачем предполагать худшее. Кроме того, преступления на сексуальной почве, о которых ты говоришь, почти всегда совершают знакомые жертв. Мы опрашиваем всех ее друзей и учителей. Если кто-то из них причастен, мы скоро это выясним. Но раз уж мы беседуем не для протокола: ты не думаешь, что Амала могла втайне от родителей встречаться со взрослым мужчиной?

– Невозможно.

– Если ты понимаешь, что творится в голове у подростков, поговори с моей дочерью, потому что для меня это непостижимо.

– Я не знаю, что творится в голове у Амалы, но знаю ее саму. Если бы у нее возникла проблема со взрослым, она бы рассказала.

Клаудио поцеловал ее в щеку.

– Вот увидишь, все будет хорошо, – сказал он, садясь в машину. – Отдохни немного, тебе это нужно.

Франческа промолчала. Когда она вернулась в дом, Сандей лежала на диване в гостиной, прикрыв глаза рукой, а Танкред сидел в кресле, уставившись в никуда. Франческа заварила травяной чай, неловко передвигаясь на малознакомой кухне. Отнеся чайник в гостиную, она заодно убрала кое-какой мусор.

– Утром придет горничная?

– Я велела ей остаться дома, – ответила Сандей с закрытыми глазами. – И садовнику тоже.

– Ты же не думаешь, что они замешаны...

– Нет. Они с нами уже десять лет, и я им доверяю. Но не хочу, чтобы в доме сейчас находились посторонние. Приходится заставлять себя быть любезной, хотя на самом деле хочется только кричать.

Сандей сделала вид, что выпила немного чая, а затем ушла в спальню.

– Она винит себя за то, что не забрала Амалу с остановки, – произнес Танкред.

⁶ Трепан – хирургический инструмент для сверления костей.

- Да уж, представляю.
- Писала очередную паршивую статью.
- Не злись на нее, она не виновата.

Танкред вздохнул:

– Я в ужасе, Фран. Не могу отделаться от мысли, что этот подонок сейчас вытворит с ней черт знает что...

- Нужно дождаться требования о выкупе.

Он покачал головой:

- Пойдем в кабинет, выпьем чего-нибудь покрепче.

Франческа последовала за ним в кабинет, который представлял собой шестиугольную комнату со стенами, обшитыми светлым деревом. На длинных столах лежали плоттерные распечатки с чертежами кушетки в форме морской звезды. В заоконной тьме светящиеся фонари поисковых отрядов порхали по полям, как светлячки. Танкред достал из мини-бара бутылку джина, щедро плеснул себе в стакан и сел в эргономичное кресло.

- Есть что-то, чего я не знаю? – спросила Франческа, видя его нерешительность.

- Я не верю, что ее похитили из-за денег, – вздохнул он.

- Почему?

– Потому что у меня их нет. Почти все мои клиенты были русскими, а из-за того, что творится на Украине, я больше не могу с ними работать. Все активы одного из этих олигархов заморозили прежде, чем он мне заплатил. Бред...

- Прости, Тан, но ты же работаешь всю жизнь. Неужели у тебя совсем нет сбережений?

– Этот дом – черная дыра для денег. К тому же, когда дела шли хорошо, мы особо не экономили. Путешествия, лошадь, то да се... Понимаешь? Возможно, кто-то действительно затаил на меня злобу и хочет причинить боль, но, если и так, деньги его точно не интересуют, либо он не профессионал и не знает, с кем имеет дело. Или же этот человек зол на тебя.

- На меня?

– Ты крупный юрист. Детей у тебя нет, мы – твоя единственная родня. Возможно, кто-то мстит тебе за то, что ты захватила его компанию по поручению какого-нибудь эмира.

- Я работаю с бизнесменами, а не с мафией.

- Можно подумать, есть большая разница...

Франческа не желала начинать этот вечный спор. Кроме того, ей ужасно хотелось спать.

- Можно я займу комнату для гостей?

- Конечно. Сам-то я вряд ли смогу заснуть.

Не удалось это и ей. Франческа дожидалась рассвета с широко раскрытыми глазами, вздрагивая от каждого шороха и каждого проблескового маячка, отражающегося в окне. В любой момент мог явиться какой-нибудь карабинер с фуражкой в руке и сообщить, что тело ее племянницы найдено в канаве или в багажнике чьей-то машины. *«К сожалению, мы прибыли слишком поздно...»*

На рассвете она оставила попытки уснуть, приняла душ, поздоровалась с братом, которого нашла там же, где и оставила, только более пьяным, и отправилась в свою контору в Кремоне.

Контора располагалась в палаццо в историческом центре, позади Баптистерия, – пятьсот квадратных метров, отреставрированных в восемнадцатом веке, с фресками, лепниной, барельефами, картинами, гротескными орнаментами и тридцатью сотрудниками. Единственным помещением, не принадлежащим семье Кавальканте, был элегантный ресторанчик в бывшей конюшне: в обеденный перерыв он заполнялся клиентами и юристами, которые приходили туда через внутренний сад под ее окном. Кабинет Франчески находился в бывшей хозяйской спальне с громадным мраморным камином, который ее отец разжигал на Рождество, а она

велела замуровать. Остальная обстановка полностью изменилась, и на месте портрета ее прадеда на охоте теперь висела картина де Кирико⁷.

Мало-помалу контора наполнялась строгими костюмами и приветствиями: новость об Амале распространилась, и на Франческу посыпались сочувственные визиты служащих и юристов, которых она принимала с деланным удовольствием. Единственным среди них, кого Франческа хотела видеть, был Самуэле – стажер, к которому она уже некоторое время приглядывалась.

– Я слышал, что...

– Спасибо, – перебила она. – Хоть ты меня пощади.

– Да, конечно. Вас все просят к телефону, особенно журналисты.

– Ты ведь знаешь, куда их послать?

– Конечно, госпожа адвокатесса, но, возможно, пора подготовить заявление для прессы.

Самуэле, полный молодой человек в круглых очках, отличался рассудительностью, которая позволяла ему оставаться в здравом уме на протяжении полутора лет стажировки.

Франческа фыркнула:

– Напиши его, а я потом поправлю. И я уже говорила: не называй меня *адвокатессой*. Знаю, что сейчас это политкорректно, но я из старой гвардии.

– Простите, но, если я не буду так обращаться к остальным дамам, они задушат меня, госпожа *адвокат*. Ну что ж, я пошел готовить заявление.

– Подожди. Мне нужно еще кое-что – поиск в архиве.

Самуэле снял очки и начал протирать их амарантовой тряпочкой. Франческа уже замечала, что он делал это, когда нервничал.

– Слушаю вас.

– Это крайне маловероятно, но может случиться, что Амала стала жертвой человека, который держит зло на нашу семью. Мне нужен список процессов, в которых участвовал папа, по делам о похищениях, нападениях и изнасилованиях. Меня интересуют только те из них, клиенты или обвиняемые по которым еще живы и на свободе.

– Возможно, я не найду этого в подшивках.

– У тебя есть книга контактов конторы, воспользуйся ею. Когда закончим, создашь папку и отправишь по электронной почте окружному прокурору Металли. Его ты тоже найдешь в книге.

– Да, госпожа адвокат.

– И попроси, чтобы мне принесли чая. Только не из пакетика.

Чай прибыл через пять минут, а первые доклады – через час. Общая папка Франчески начала заполняться процессами, о которых она никогда не слышала, и людьми, которых она не знала. Она просматривала их, отгоняя взбудораженных коллег и секретарей с задачами, о которых она забыла, но ничего не бросалось в глаза – ничего, что выглядело бы особенно подозрительно. Споры из-за гонораров и громкие поражения в суде – да, но не попадалось никого, кто действительно мог бы похитить юную девочку. Франческа с сожалением осознала, что в последние два года перед смертью отец проигрывал процесс за процессом – его уже подтачивала болезнь.

Когда Самуэле вернулся, его рубашка была покрыта пылью.

– К сожалению, групонов нет в цифровом архиве.

– Что такое групоны?

– Бесплатная юридическая помощь и официальная защита. Здесь это так называют; я думал, вы знаете.

Франческа не знала; она еще не полностью вникла в обычаи конторы.

⁷ Джорджо де Кирико (1888–1978) – итальянский художник, крупнейший представитель метафизической живописи.

– В мое время папа натаскивал на таких судах стажеров, – сообщила она. – Мои процессы можешь пропустить, все они по делам мелких карманников. Кроме...

Если бы Франческа не сидела, она рухнула бы на пол. Она была близка к обмороку, по шее и спине стекал ледяной пот. Не обращая внимания на Самуэле, она встала и спустилась в подвал по старой лестнице за приемной.

Окунь. Как она могла забыть?

Длинный каменный туннель использовался совместно с рестораном, который хранил там продукты, тогда как часть подвала, оставшаяся конторе, была разделена на клетушки, закрытые решеткой и полные коробок с документами и старой мебели. Папки с безвозмездными процессами были разбросаны по коридору, где их оставил Самуэле. Франческа поспешно схватила те из них, на которых стояло ее имя, и вернулась в кабинет с пятью килограммами пыльных и выцветших листов – некоторые из них были напечатаны еще на машинке.

Стажер все еще находился там.

– Все хорошо, госпожа адвокат?

– Все замечательно. Пожалуйста, закончи то, о чем я тебя попросила, – ответила она и секунду спустя забыла о Самуэле.

Окунь.

В голове пролетали образы прошлого, вновь всплывали старые чувства. Дело, которое отец подбросил ей, как резиновую кость собаке, но к которому Франческа подошла всерьез. За три года Окунь похитил и убил трех ровесниц Амалы и сбросил их трупы в реки в окрестностях Кремоны. В убийствах обвинили молодого человека, Джузеппе Контини, и она безуспешно защищала его в суде. Контини приговорили к пожизненному заключению – Окунь попался в сети...

Чай остыл и стал горьким, но она все равно выпила его, листая старые бумаги. Никакой связи не было и быть не могло. Однако Франческа знала одну вещь, которая мучила ее годами и заставила разлюбить избранную работу, а также побудила покинуть страну, чтобы сбежать от чувства бессилия, охватившего ее после приговора, который, как она знала, был глубоко ошибочным.

Контини был невиновен. Окунь остался на свободе.

Букалон. Тридцать два года назад

Последнюю жертву Окуня обнаружили в водах реки По, у крайней опоры моста между Ломбардией и Эмилией-Романьей, через год после исчезновения. Лайкровые легинсы частично защитили плоть на ее ногах, но остальное было съедено рыбами, раздроблено камнями и рассеяно течением.

Согласно заключению судмедэкспертов, семнадцатилетняя Кристина Мадзини погибла сразу после исчезновения с радаров – возможно, в тот же день. Два месяца спустя было дано разрешение на захоронение, и старший суперинтендант Итала Карузо впервые услышала об убийце, который задушил и сбросил в реку трех девушек.

Через неделю после похорон Мадзини Итале позвонил магистрат Франческо Нитти, который вел дело и первым выдвинул версию о существовании серийного убийцы: Нитти пригласил ее выпить кофе после ужина у него дома.

Тридцатилетняя Итала обладала минимальным ростом и максимальным – а может, и слегка чрезмерным – весом для сотрудницы полиции. Круглое лицо, часто краснеющие щеки, хмурая улыбка и черное каре делали ее похожей на одну из домохозяек из рекламы бульонных кубиков, которых обычно запечатлевают в фартуке в цветочек и с половником в руке. Но когда она направлялась к элегантному палаццо в двух шагах от театра Понкьелли – «маленькому Ла Скала», – лицо ее выглядело гораздо менее жизнерадостным и напоминало скорее бультерьера. Она сердилась из-за того, что пришлось в последнюю минуту изменить планы и оставить сына с домработницей, вместо того чтобы сводить его в кинотеатр «Падус» на «Большой бой Астерикса». Но прежде всего она чувствовала беспокойство. С тех пор как Италу перевели в КрEMONУ, она встречалась с Нитти всего пару раз, и в предстоящей «неформальной» беседе наверняка крылись какие-то подводные камни, которые она в данный момент не могла распознать.

Нитти, облаченный в дымчато-серый свитер с высоким горлом, открыл ей дверь. Выглядел он примерно на шестьдесят, и его лицо напоминало чернослив.

– Моей жены нет дома – так нам будет спокойнее, – сказал он, провожая ее в гостиную.

Окно выходило на освещенную колокольню Торраццо, и Итала любовалась ею несколько секунд с легкой завистью.

– Принести вам что-нибудь выпить? – спросил Нитти. – Ликер, бокал вина?

– Я еще не ела, но все равно спасибо.

– Хотите, я посмотрю, не оставила ли жена что-нибудь в холодильнике? Не ожидал, что вы придете на пустой желудок...

– Не беспокойтесь, все в порядке. Могу я закурить?

– Конечно. – Он указал на напольную пепельницу из хромированного металла.

Итала подтянула ее к себе и закурила «МС»⁸. Магистрат, обрезав сигару «монтекристо», зажег ее длинной деревянной спичкой.

– Я слышал о вас много хорошего, суперинтендант.

– И что же?

– Говорят, вы большая ловкачка и делаете все возможное, чтобы это скрыть. – Нитти выдохнул дым. – Точно ничего не хотите? Даже содовой?

– Точно.

Нитти выбрал из комода-бара бутылку мандаринетто, налил себе на два пальца и снова примостился на край кресла.

– Позвольте, я перейду прямо к делу. Что вы знаете о Букалоне?

⁸ «МС» – итальянские сигареты, выпущенные на рынок в 1969 году в качестве более дешевой альтернативы «Мальборо».

Итала снова удивилась – не только потому, что он спрашивал о самом важном расследовании в этой области за последние годы, но и потому, что он употребил кремонское название рыбы, в честь которой получил прозвище убийца.

– То же, что и все. Я никогда не вникала.

– Давайте я расскажу вам о его жертвах. Семнадцатилетняя Карла Бономи жила в Эзине, что в провинции Брешиа, и работала официанткой в семейной пиццерии «Якорь». Каждый день в девять утра она открывала заведение. Но однажды утром, три года назад, когда приехали ее родственники, рольставня все еще была опущена, а велосипед девушки был прислонен к стене. На протяжении года они не получали от нее никаких вестей, а потом...

– Потом нашли труп, – произнесла Итала, закуривая еще одну «МС». Она надеялась, что Нитти не затянет свое повествование слишком надолго.

– Да, в ручье в паре километров от ее дома, – подтвердил Нитти. – А примерно через год пропала Женестье Рейтано. Тот же возраст, жила в Изола-Доварезе... Знаете, где это?

Итала кивнула. Это был небольшой островок на реке Ольо.

– Женестье училась на секретаря при церкви Санта-Мария дельи Анджели в Кремоне. Она происходила из очень бедной и достойной семьи, и, к сожалению, это обернулось проблемой. – Нитти встал, чтобы налить себе еще мандаринетто. – Родственники не сообщили о случившемся, будучи уверены, что девушка сбежала из дома из-за их финансовых обстоятельств. Только через пару месяцев они поговорили об этом со священником, который убедил их обратиться к карабинерам, но к тому времени восстановить ее передвижения оказалось очень сложно. И когда ее несчастные останки нашли в шлюзе По, смерть сочли несчастным случаем.

– Но это было не так, – не выдержав его слащавого тона, встряла в паузу Итала. – Третью девушку нашли пару месяцев назад у опоры моста Понте ди Ферро. Кристине Мадзини тоже было семнадцать лет. Я присутствовала на ее похоронах.

– Никто не заподозрил, что это убийства, и мне пришлось распорядиться, чтобы все аутопсии были проведены повторно, – продолжал Нитти, раздраженный тем, что его перебили, – и изучить передвижения жертв. Благодаря этому я обнаружил связь между тремя девушками и человеком, которого я арестовал. Как вы, возможно, знаете, это Джузеппе Контини, заправщик с несколькими судимостями. Несмотря на разницу в возрасте, он состоял в отношениях с третьей жертвой, его заправка находилась по дороге в школу второй жертвы, и он посещал пиццерию первой жертвы. А если не было четвертой, так это потому, что мы вовремя его остановили.

– Разве его только что не выпустили? – изумилась Итала.

– Судья по предварительному расследованию посчитал, что у нас недостаточно оснований, чтобы отправить его на скамью подсудимых. – Голос Нитти сочился сарказмом и раздражением. – По мнению моего глубокоуважаемого коллеги, обвинению не хватает вещественных доказательств и свидетельств очевидцев. До сих пор карабинеры оказывали мне всяческое содействие, но дело явно зашло в тупик, и я не могу просить у них большего. Понимаете теперь, почему я пригласил вас?

– Откровенно говоря, нет.

– Я бы хотел, чтобы этим занялись вы.

– Господин Нитти, кажется, вы меня с кем-то путаете.

– Я прекрасно знаю, кто передо мной, – возразил магистрат, снова зажигая сигару. – Вас ведь называют Королевой, верно?

– Это всего лишь прозвище.

– Которым вы обязаны вашему умению улаживать дела – даже такие, которые находятся, как бы сказать... на грани закона, если не далеко за его пределами.

– Я не знаю, о чем вы говорите, господин Нитти. Кроме того, я при всем желании не могу вам помочь. Я не служу в судебной полиции, и вам следовало бы поговорить с моим начальством.

– Я прошу вас не подключиться к расследованию, а найти улики против Контини. Способ я оставляю на ваше усмотрение.

– Мое усмотрение говорит мне, чтобы я встала и попрощалась. Именно это я и собираюсь сделать.

Нитти фыркнул:

– Суперинтендант, до настоящего момента меня не заботило, чем вы занимаетесь на службе или вне ее, но у меня уйдет две секунды, чтобы завести против вас дело. Взяточничество, сбыт краденого, хищение государственного имущества, растраты... Я буду перетряхивать вашу жизнь, пока что-нибудь не найду, а мы оба знаем, что мне есть что искать.

Взгляд Италы стал каменным. Лицом она больше не напоминала домохозяйку из рекламы.

– Почему вы не задействуете мобильное подразделение или Центральную оперативную службу?

– Потому что это политически неразумно. – Теперь, раскрыв карты, Нитти стал менее напряженным и откинулся на спинку большого кожаного кресла. – Это было бы равносильно выражению недоверия карабинерам, а я не желаю настраивать их против себя.

– Стало быть, вы предпочитаете шантажировать меня.

– Я вас не шантажирую. Скажем, я использую неблагоприятное средство, чтобы исправить нечто еще более неблагоприятное.

– Вы имеете в виду свою карьеру?

Нитти с ненавистью уставился на нее:

– Моя карьера в полном порядке. Я иду с вами на компромисс, потому что хочу добиться справедливости для этих трех девушек.

– Ваша карьера далеко не в порядке, господин Нитти. Вам осталось два года до пенсии, а вы застряли в провинциальном городишке, где никогда ни черта не происходит. Разумеется, помимо Окуня. Ваше дело уже в руках генерального прокурора, и ваш единственный шанс не быть оттертым в сторону – это Контини.

– Вы во всем видите дурное, потому что сами прогнали насквозь, но ваши взгляды на мир меня не интересуют. Да или нет?

Итала выругала себя за несдержанность. Это не игра «Кто кого перекричит».

На сей раз она действительно встала:

– Мне нужно подумать. Я не хочу попасть под следствие, пытаюсь избежать другого. А пока пришлите мне все материалы о Контини, которыми вы располагаете.

– Хорошо. Но не раздумывайте слишком долго. Вы уже не в Биелле, где делали все, что хотели. – Нитти нехорошо улыбнулся. – Это мой город.

Биелла – город с населением чуть менее пятидесяти тысяч жителей на непередаваемо холодном и закрытом севере – стала первым назначением Италы после конкурса в полиции. Там говорили на непонятном для нее диалекте, а она, Итала, была для всех *землепашкой*, которая подалась в полицию только для того, чтобы получать жалованье и оставить позади прошлое. Ее и остальной мир словно разделяло стекло, и общение с коллегами складывалось не лучшим образом. Друзей она не завела, оказавшись неспособной разбить лед или смеяться над шутками остальных, как и целовать задницы важным шишкам.

Тем не менее она училась, отчаянно стараясь разобраться, как все устроено. А поскольку все принимали ее замкнутость за глупость, старшие открыто говорили при ней о вещах, которые им не следовало говорить или делать. Вскоре Итала поняла, что половина ее сослуживцев

преступают черту дозволенного. Одни брали взятки, другие трахали задержанных проституток в обмен на свободу, третьи воровали наркотики со склада вещдоков или подрабатывали вышибалами в клубах, когда должны были находиться на дежурстве.

При этом никто даже не соблюдал осторожность. Старший агент каждый год менял машины, предпочитая спортивные, а домой к заместителю инспектора доставляли целые окорока и ящики вина. Итала поняла, что прибыла аккурат перед тем, как все взлетит на воздух, но это походило на наблюдение за лавиной в замедленной съемке – способа остановить ее просто не существовало. Однажды ночью карабинеры задержали агента предпенсионного возраста со ста граммами кокаина в багажнике.

Итала, которая как раз находилась на дежурстве, слушала обеспокоенную болтовню сослуживцев и всерьез подумывала сказатьсь больной, когда начальник под каким-то предлогом забрал ее прокатиться на его машине в два часа пополудни. День выдался тусклым, и, против обыкновения, прохожие встречались редко, отчего город выглядел полупустым.

Они остановились у фонтана-бочонка, по дороге к пастбищам, и вышли покурить. Ее шефа, невысокого мужчину с редкими и, как это было принято, зачесанными назад волосами, звали Серджо Мацца, и он был на пятнадцать лет старше ее.

– Как давно ты в деле? – спросил он. – Не будем ходить вокруг да около, это останется между нами.

Итала не ожидала такой прелюдии: Мацца не только отлично знал, что вот-вот должно было произойти, но и считал само собой разумеющимся, что это известно и ей.

– Я только что приехала, я чиста, – ответила она, оправившись от удивления. – Вы действительно думаете, что остальные вовлекли бы и меня?

– Вряд ли. Поэтому мы здесь. Знаешь, что сейчас случится?

– Будет расследование...

– Ты чиста, я чист, но мы все равно окажемся запятнанными. Мне, может, и удастся дотянуть до пенсии в каком-нибудь захудалом кабинетике, а вот ты едва ли удержишься на службе.

– Я не думала, что...

– Что? – раздраженно спросил Мацца.

– Ничего. Ясно, что так и произойдет.

– И возможно, кто-то упомянет твое имя только для того, чтобы добиться смягчения приговора. Такое случается, к тому же тебя нельзя назвать всеобщей любимицей. Однако...

Итала уцепилась за это «однако»:

– Однако что?

– Ты их всех знаешь, верно? И знаешь, кто чем занимался.

– Да.

Мацца удовлетворенно кивнул:

– Так я и думал. Рот на замке, а ухо остро. Умница. А теперь поехали ко мне и вместе составим список.

– Виновных?

– Нет, тех, кем можно пожертвовать.

– Простите?

По пути к нему домой Мацца изложил ей правила.

– Старики неприкосновенны, – объяснил он. – Они сделают все, чтобы нам помешать. И новички вроде тебя тоже.

– Почему?

– Потому что они еще не знают, как себя вести, хотя я вижу, что ты быстро учишься. Выбирать нужно тех, кто накопил достаточно средств и чьи семьи смогут продержаться до тех пор, пока они не найдут новую работу, чтобы уволенные не отчаивались. Вот как мы поступим:

я разоблачу их публично, а ты с глазу на глаз скажешь им, что я сделаю все возможное, чтобы помочь им до, во время и после суда.

– Но как вы собираетесь их убедить?

– Нам не придется никого убеждать. Ты побеседуешь с парой стариков, которых мы не станем трогать, и они обо всем позаботятся. Они должны понять, что это лучше, чем если на них укажет арестованный сослуживец. И никогда не ссылайся на меня. Они решат, что ты говоришь от моего имени, но не сообщай этого напрямую, иначе они попытаются использовать эту информацию в своих интересах.

Мацца оказался прав во всем. Встречаясь с пожилыми агентами, Итала пережила не самые приятные минуты, но в конце концов, как и ожидалось, они приняли предложенную стратегию. Принесенные в жертву сдались с повинной, признавшись в ряде мелких преступлений и изображая полное содействие. Единственным, кто попал за решетку, был агент, задержанный с кокаином, да и то всего на пару лет – пятую часть срока, к которому приговорили бы любого другого в его обстоятельствах. Остальные отделались увольнением.

Итала же научилась работать по-новому.

Мацца стал комиссаром полиции Фоджи, и когда по пути домой Итала позвонила ему из телефонной будки через рабочий коммутатор, он ответил с не связанного с ним добавочного номера. Они не слышали друг друга с прошлого Рождества, когда обменялись традиционными поздравлениями. Итала рассказала ему, что встречалась с окружным прокурором Нитти, но не сказала почему. Ей не хотелось обсуждать это по телефону.

– Я с ним не знаком, – сказал Мацца. – Что он за человек?

– Конченная сволочь. Угрожает подвести меня под следствие, если я кое в чем ему не помогу.

– А почему ты не хочешь ему помочь?

– Потому что это немного выходит за рамки, которые я для себя установила.

– Мы служим закону, – сказал Мацца. – Я разужнаю, не смогу ли помочь тебе выкрутиться, но все же будет лучше, если ты ему уступишь. А что касается рамок, ты слишком строга к себе. Тебе под силу любая задача, которую ты перед собой поставишь. Как поживает Чезарино?

Итала вежливо ответила, подождала, пока он даст отбой, а затем вытерла руки салфеткой, потому что кто-то прилепил к трубке жвачку. Она не слишком рассчитывала на Маццу, но ей было приятно его услышать.

Домой она вернулась в двенадцатом часу ночи. В Кремоне арендная плата была низкой, и она нашла хорошую квартиру с кухней в двух шагах от заброшенного и полуразрушенного, но все еще впечатляющего бывшего монастыря Тела Христова. Помимо двух спален, в ней была кухонька с балконом и гостиная. Итала сняла квартиру уже обставленной, до нее там жил пожилой мужчина, о чем легко можно было догадаться по мебели орехового цвета. Единственное, что она сделала, – это сняла гравюру с изображением старика, пьющего пиво, и заменила стульчак унитаза.

Анна, домработница, обнаружилась в столовой: сидя за столом, она читала какую-то книгу по саморазвитию и одновременно слушала на малой громкости первый канал радио. Это была миниатюрная крашеная блондинка, которая жила этажом выше с мужем и детьми. Она загнула уголок страницы и осведомилась:

– Неужели так сложно предупредить, что опоздаете?

– Прости, у меня непредсказуемая работа.

Итала подняла крышку сковороды на плите. Оссобуко⁹ с горошком. Блюдо уже остыло, и жир свернулся в белые комочки. В животе у нее заурчало. Она взяла пальцами несколько горошин и положила их в рот.

Анна выхватила у нее сковороду:

- Я разогрею! Не обязательно свинячить.
- Сделай мне с ним пару сэндвичей, чтобы я поела за работой.
- Вы собираетесь еще работать?
- Меня это тоже не радует.

Анна снизошла к ее просьбе и протянула ей завернутые в салфетку сэндвичи.

- Кость я туда не клала, – проворчала она. – А то вы бы и ее съели...
- Спасибо.

Домработница сняла фартук и направилась к двери.

- Чезаре спит, зайдите поцеловать его на ночь, он дожидался вас целый день.
- Я и так бы это сделала.
- Ну-ну... – коротко отозвалась Анна, прежде чем уйти.

Прихватив сэндвичи и полупустую бутылку красного вина, Итала отнесла их в спальню. Помимо двуспальной кровати, смятой только с одной стороны, обстановку составляли кресло с откидной спинкой и бронированный оружейный шкафчик. Итала убрала пистолет и переоделась во фланелевую пижаму.

Ее сын спал в комнате напротив при свете маленького ночника, включенного в розетку. Ему было семь лет, но из-за крошечного роста он выглядел еще младше. Белоснежная кожа мальчика выделялась в темноте, светлые волосы были взъерошены. Он был похож на ангелочка, и Италу захлестнула волна любви к этому хрупкому человечку. Она легла рядом и обняла его, не разбудив. Вдохнула его вкусный запах и, как всегда, вгляделась в его лицо, выискивая признаки перемены, которая, как она боялась, рано или поздно наступит.

«Чепуха, у тебя просто разыгралась паранойя, – сказала она себе. – Твой сын совершенно нормален». И все же эта мысль занозой засела под кожей, причиняя боль при каждом прикосновении. «С тобой такого не случится», – мысленно обратилась она к сыну, одарив его еще одним легким поцелуем. Мальчик, всхрипнув, заворочался, но не проснулся.

Итала вернулась в свою комнату, глотнула красного из горлышка и начала листать досье, которое прислал Нитти. Как она и предполагала, он приукрасил свою следственную версию. Контини работал на заправке возле школы второй жертвы, Санта-Мария дельи Анджели, но никто не засвидетельствовал, что видел, как Женестьева останавливалась там, чтобы заправить мопед. Контини видели в пиццерии первой жертвы, Карлы, но идентификация выглядела сомнительной. Другое дело – связь с Кристиной, третьей жертвой, которой Итала уделила особое внимание. Она была дочерью двух офисных сотрудников, и друзья и родственники единодушно считали ее порядочной, прилежной и очень набожной девочкой. После окончания занятий в лицее в Кремоне она каждый день посещала мессу и состояла в ультракатолической организации, где все девушки давали обет целомудрия до замужества.

Однако карабинеры, которые при желании знали свое дело, разыскали парня Кристины, о котором не знала ее семья. Им оказался двадцатичетырехлетний заправщик Джузеппе Контини – девушка познакомилась с ним в заведении, которое посещала днем по субботам и воскресеньям.

В день исчезновения Кристины их видели вместе. Один из свидетелей заявил, что «они, похоже, поругались», но Контини отрицал знакомство с девушкой. Это все, что имелось против него, несмотря на то что карабинеры вывернули его наизнанку, словно кальсоны. Нитти

⁹ *Оссобуко* – итальянское блюдо из телятины с овощами.

даже просил высшее командование привлечь к делу больше людей, но это не помогло. Итале предстояло найти улики и нанести решающий удар.

Она проглотила кусок жирного хлеба, оставшийся на подушке, и, как всякий раз, когда собиралась совершить какую-нибудь гнусность, вспомнила дон Альфио, священника из ее детства, с его проповедями о всемогущем и всевидящем Господе. Во время проповедей дон Альфио срывался на крик, и его было слышно даже с паперти. Он багровел от напряжения, еще больше повышая голос, когда выкрикивал такие слова, как «блуд» и «прелюбодеяние», уставившись на прихожанок, которые в его глазах являлись сплошь отпетыми греховодницами. Итала боялась его. Она боялась, что он появится среди ночи, чтобы затащить ее в ад и покарать за грехи, о которых она даже не подозревала. Дон Альфио давным-давно умер, но Итала часто слышала в голове его голос, осуждающий ее поведение как непристойное или аморальное. И в этот момент ей показалось, что рука старого священника уже нащупывает ее щиколотку, готовая увлечь ее, Италу, в преисподнюю.

Тревога не покидала ее до следующего дня, когда она повезла Чезаре в школу. Погода резко изменилась, и на землю обрушился ледяной ливень, будто стояла не осень, а конец зимы. Когда под градом капель они пересекали мост через По, Итала сбавила скорость, чтобы посмотреть на реку. Вода поднялась и покрыла гектары деревьев и лугов. Тело Кристины нашли под третьим столбом слева, рядом с которым находилась первая секция нового железнодорожного виадука. Участок оставался огороженным в течение месяца, прежде чем строители подали запрос о возобновлении работ. Если там и было что-то, что могло дать какие-то ответы, теперь это место покрывали песок и бетон.

Итала направилась в Кастельветро, где Чезаре жил с ее свекровью Мариэллой. Эта коммуна находилась в шести с лишним километрах от Кремоны, на таком же расстоянии от границы региона, и в ней росли такие же деревья и стояли такие же низкие дома тех же цветов, но в то же время все было иначе. Здесь ели другие блюда, говорили с более резким акцентом, который действовал Итале на нервы, и местные, как правило, в большей степени проявляли экспансивность. Итала предпочитала высокомерие кремонцев, их тихое пьянство.

Чезаре проснулся, только когда школа оказалась в двух минутах езды.

– Мама, ты злишься? – робко спросил он.

– Ну что ты, я никогда не злюсь.

– Кроме как на бабушку.

Итала не стала озвучивать того, что думала.

– У бабушки специфический характер.

– Она говорит, что стала нервной с тех пор, как умер папа. Потому что он был ее единственным сыном.

Итала воспользовалась красным светофором, чтобы взглянуть на сына, и натянуто улыбнулась:

– Это огорчает не только ее.

– Ты никогда об этом не говоришь.

– Мне так легче. Это большое несчастье.

Чезаре пожал плечами:

– Почему мне нельзя жить с тобой?

У Италы сжалось сердце.

– Ты же знаешь, что мама постоянно работает. А бабушка может за тобой присмотреть.

– А почему ты не можешь жить с нами?

– Мы это уже обсуждали, помнишь? – Итала попыталась сменить тему. – Как бы то ни было, я просто задумалась.

– О чем?

– О работе. У меня есть обязанности, которые мне не очень нравятся. Там, где я родилась, говорят: «Дятел долбит в голове». Знаешь такую птицу, которая клюет стволы деревьев?

– Понятно, – ответил Чезаре. – У меня тоже так бывает.

– Тебя что-то беспокоит?

Чезаре покачал головой.

– Как по-твоему, я смогу стать полицейским, когда вырасту?

– Разве ты не хотел стать врачом? – удивилась Итала.

– Полицейским врачом?

– Чече, ты не расстроишься, если я кое-что тебе скажу?

– Не знаю.

– Я очень надеюсь, что ты передумаешь.

– Почему?

– Солнышко, существуют профессии получше. У моих родителей не было денег, чтобы дать мне образование, но ты можешь стать тем, кем захочешь. Не спеши с выбором.

Итала высадила его перед школой, и Чезаре обнял ее так, будто был уверен, что никогда больше ее не увидит. Она резко тронула машину с места, чтобы избавиться от гнева и печали, которые испытывала всякий раз, когда приходилось расставаться с сыном. Чтобы прогнать невеселые мысли, она остановилась у первого же таксофона и позвонила в штаб карабинеров, прежде чем вернуться в Кремону и показаться на службе.

Итала подписала пару рапортов, полюбозничала с комиссаром, который всегда относился к ней так, будто поражался, почему он видит ее без метлы в руке («Не была бы хоть такой страхолюдиной...» – однажды сказал он о ней), а затем ее отвел в сторонку Отто. Это был один из ее самых доверенных людей. Звали его не Отто, но он носил это прозвище из-за длинных закрученных усов, как у персонажа комиксов, который, как и он, ностальгировал по Муссолини.

– Слышала про бронефургон?

– Нет. Я была занята. Какой фургон?

– Инкассаторский. Его заблокировали перед Болоньей – подожгли ряд машин, а потом напали с автоматами Калашникова и ручными гранатами и увезли семьсот миллионов наличными и золотом.

– Ничего себе.

– Охота за сокровищами уже началась. Посмотрим, не найдется ли трепач, который что-то знает. Хотелось бы приехать первым.

– Делай что должен. Но не мешай никому.

Он достал из ящика пистолет и сунул в кобуру.

– Только плохим парням, – отозвался Отто. Он работал в паспортном отделе, но его трудно было застать на месте.

В полдень Итала встретила с лейтенантом карабинеров Массимо Бьянки в «Харчевне», куда сама его пригласила. «Харчевня» представляла собой закусочную под одним из пролетов Понте ди Ферро, где продавались мясные шашлыки и сардельки на гриле и можно было посидеть под широким навесом, чтобы защититься от дождя, который уже стих до редкой мороси. Итала заказала два сэндвича, а Бьянки – шашлык на пластиковой тарелке. Они сели за один из перфорированных металлических столиков, которые уже начинали заполняться рабочими и домохозяйками. На фоне бетонной набережной виднелась полоска реки По, а над их головой нависал мост.

Итала надкусила первый сэндвич, перемазавшись в жире, а Бьянки напряженно ковырял свое блюдо ножом и вилкой. Даже сейчас, в рубашке и светлом пиджаке, он казался одетым в

мундир. Официантка бросила на него заинтересованный взгляд, но лейтенант, сосредоточенный на том, чтобы не испачкаться, не обратил на нее внимания.

– А тебе не кажется, что ты писаешь мимо горшка? – спросил он, после того как Итала все ему рассказала.

– Как раз этого я и пытаюсь избежать, – ответила она. – Поэтому и плачу за твой обед.

– Какая щедрость... – Бьянки отхлебнул «Перони» так, будто это был уксус. – В следующий раз место выбираю я.

– Обычно женщины выбирают, а мужчины платят. Почему у нас выходит наоборот?

– Потому что обычно мне не нужно платить.

– Но ты все равно это делаешь, чтобы избежать осложнений.

– Кто тебе сказал эту хрень?

– Опыт, – улыбнулась Итала. – Связаны ли с Контини чьи-то интересы, о которых мне следует знать? Что-нибудь могло замедлить расследование? Какие-то личные одолжения?

Бьянки покачал головой:

– Я ни о чем таком не знаю.

– Значит, Контини – не ваш осведомитель и вы не прикрываете ему задницу?

– Точно.

– Жаль, – вздохнула Итала. – Это было бы хорошим предлогом, чтобы отвертеться.

– Насколько я понял, ты не можешь этого сделать.

– Похоже на то.

Бьянки кивнул, снимая с шампура остатки шашлыка. Обычно Итала с подозрением относилась к людям, которые слишком манерничают за столом, – это означало, что они выросли в обеспеченных семьях, где, в отличие от ее семьи, дети не дрались за кусок хлеба.

– Тебя интересует что-то еще? – осведомился он.

– У вас были другие подозреваемые, кроме Контини?

– Нет. И если бы он не спал с последней жертвой, его давно бы оправдали.

– Вот как! По-твоему, он невиновен?

Бьянки поднял бровь:

– Не берусь гадать.

– Да ладно...

– Шансов поровну. Пятьдесят на пятьдесят.

Итала удивленно взглянула на него:

– Серьезно? Он заявил, что не знаком с Мадзини, а сам крутил с ней шашни.

– Потому что он идиот и обделался от страха. Но если мы арестуем всех идиотов, мир превратится в пустыню.

– Он встречался с девушкой в день ее исчезновения.

– Да. Этот тупица солгал и об этом... Но люди видели, как она ушла на своих ногах.

– Возможно, они договорились встретиться позже.

– Так считает твой дружок-магистрат, – улыбнулся Бьянки.

– А что насчет остальных двух девушек?

– Чистые домыслы. Не было даже подозрений на убийства, пока Нитти не решил, что все они – жертвы Контини.

– А ты в это не веришь? – любопытствовала Итала. – Тот же возраст, все найдены по прошествии времени в реке или рядом с ней...

– Если постараться, сходство можно найти между чем угодно. Но если это правда, то Контини – гений, потому что мы ничего не нашли.

В это время управляющий закуской увеличил громкость на маленьком радиоприемнике, висящем над стойкой и подключенном к примитивной стереосистеме, и принялся подпевать романтической песне, несмотря на шутливые протесты посетителей.

– Такое возможно, – заметила Итала. – На пятьдесят процентов это возможно даже для тебя.

– Есть гораздо более стоящая версия. Мадзини была красивой девушкой, обладавшей, прошу прощения, такими же большими сиськами, как у тебя, но, еще раз извиняюсь, определенно более упругими.

– Да пошел ты.

– По дороге домой она повстречала какого-нибудь маньяка, который изнасиловал ее, убил и похоронил где-нибудь поблизости. Проще некуда.

– По словам судмедэксперта, ее не похоронили. В лучшем случае *спрятали* у реки.

– Не имеет значения.

– А как насчет двух других?

– Несчастный случай, самоубийство... другие маньяки...

– Тебя послушать, так в Кремоне маньяков больше, чем жителей.

Бьянки вытер губы салфеткой.

– Наверное, что-то в воздухе.

Прикончив пиво, они подошли к своим машинам, припаркованным на асфальтированном острове. Небо прояснилось, и Итала прислонилась к дверце, чувствуя ветер, несущий вонь дохлой рыбы. Ей пришло в голову, что одна из этих рыб вполне могла съесть кусочек Кристины или съесть рыбу, которая съела кусок девушки. Возможно, она и сама только что съела свинину, а та, еще будучи живой свиньей, съела рыбу, которая ела девушку.

Бьянки открыл свою «альфетту»¹⁰.

– Если что-нибудь нароешь, держи меня в курсе.

– Я же сказала, что не хочу проблем с вашими.

– Что бы ты ни задумала, берегись адвоката Контини. Неизвестно, каким образом, но ему достался бесплатный защитник из крутой юридической конторы Кавальканте.

– Разве Кавальканте – не название улицы?

– Да, причем не одной, а целых трех. И все названы в честь их предков. Чистая голубая кровь.

– Удача на моей стороне, – буркнула Итала.

Моторчик Италы, двигавший ее по жизни, был дизельным, и заводилась она медленно, зато уж когда заводилась, остановить ее не представлялось возможным. За следующие несколько дней она перелопатила все документы по делу Контини, но так и не отыскала лазейки, в которую можно было бы пролезть. Иногда Бьянки присылал ей пакеты с конфиденциальными материалами, однако Итала только даром потратила на них время. Заново опросить свидетелей она не могла, и, судя по тому, что она прочитала, в этом не было реальной необходимости. Особенно для старых случаев. В прошлом на Контини доносили в связи с хранением наркотиков, и его содержали под стражей до суда за драку приотягчающих обстоятельствах, но за ним не числилось никаких развратных действий или насилия по отношению к женщинам.

Родня и друзья защищали Контини и, судя по показаниям, были уверены в его невиновности, несмотря на обвинения в соучастии. Родители были обычными людьми: отец работал почтальоном, мать – воспитательницей в детском саду; замужняя сестра жила на Сицилии, а обширная родня – в Кремоне и окрестностях, и ни у кого не было судимостей, кроме как за пьяные дебоши.

Итала сварила себе кофе, и когда открыла кладовку, запах оттуда напомнил ей о Бьянки и его сандаловом лосьоне после бритья.

¹⁰ *Alfetta* – автомобиль седан, производившийся итальянской компанией *Alfa Romeo* в 1972–1987 годах.

Да, он чопорный, но не дурак и далеко не урод. «К сожалению, его идеал женщины весит вдвое меньше, а ростом вдвое выше меня, – с легкой досадой подумала она. – Для Бьянки я могу представлять интерес разве что в качестве партнерши для скорого секса на крайний случай, которая все еще сидит у костра, когда остальные уже развлекаются». Поскольку Отто и остальные нашли парня, который знал парня, который знал парня, который, возможно, имел отношение к ограблению инкассаторского фургона, но был слишком крупной шишкой в местной банде, Итала дала ему наводку в благодарность за помощь.

Бьянки отличился, арестовав банду и вернув груз банкнот и золота, из которого не пропало ни одной булавки. В качестве утешительного приза он прислал ей два ящика шампанского *Moët & Chandon*, которыми Итала любезно *проставилась* в среду вечером, когда встречалась с другими сослуживцами с глубокого севера. Обычно они собирались в гостях у одного из них, в двухквартирном домике недалеко от города, но в тот вечер он был на дежурстве, и сборище состоялось в пиццерии, принадлежащей жене Отто и закрытой по такому случаю для посетителей. Отто выступал в роли гостеприимного хозяина за стойкой, целясь в коллег пробкой, когда открывал шампанское, пока около пятнадцати агентов всевозможных возрастов и званий, все в штатском, рассказывали друг другу преувеличенные анекдоты и делились неправдоподобными историями о своих подвигах.

Поев и, главное, выпив с остальными, Итала села рядом с теплой печью для пиццы, потому что почти каждый хотел перекинуться с ней словечком наедине или передать конверт. И она принимала их самих и их дары.

Она была Королевой.

Воспользовавшись случаем, она поговорила о Контини с инспектором мобильного подразделения Пьяченцы, который участвовал в части расследования.

– Мне он показался недоразвитым, постоянно себе противоречил, но так ни в чем и не признался. А мы не то чтобы с ним миндальничали.

– Как по-твоему, да или нет?

– Скажем так: Мадзини – скорее всего, да, а двух других – скорее всего, нет. Вряд ли его осудят, но он в любом случае плохо кончит.

Итала с любопытством посмотрела на своего грузного коллегу, чье лицо казалось слишком маленьким для его головы:

– Хочешь сказать?..

Инспектор пожал плечами:

– Его участь предрешена. Все знают, кто он, и многие считают его виновным в убийстве несовершеннолетней. Либо кто-нибудь надерет ему задницу, либо он сойдет с ума. Спорим на что хочешь, Ита. Кстати... не завалялся ли у вас, случаем, телевизор? Мне нужен подарок для дочки.

Она указала на нужного коллегу, с которым инспектор вышел на стоянку, а затем пригласила на завтрашний вечер четверых своих самых верных людей и пошла спать, прихватив с собой полупустую бутылку на случай бессонницы.

На следующее утро она едва успела войти в участок, как ей с маниакальной пунктуальностью позвонил Нитти. Голос магистрата звенел от негодования. Почему она не давала о себе знать?

– Мне требовалось как следует все обдумать, – ответила Итала.

– Надеюсь, вы успели подумать, потому что время истекло.

Итала взглянула на фотографию своего сына в возрасте трех лет, стоящую на столе. Внезапно ей почудилась в его взгляде тень жестокости.

– Давайте увидимся.

Они встретились в баре при здании суда, защищенном от гомона десятков людей, что толпились там между слушаниями. Вероятно желая ее впечатлить, Нитти прибыл в мантии. Итале он напомнил ворона.

– Вы знаете, что, когда поезд уходит, его уже нельзя остановить? – сразу же спросила она.

Нитти замер:

– О каком поезде идет речь?

– О том, который я выберу, чтобы решить вашу проблему.

– Без моего ведома?

Итала посмотрела ему в глаза:

– Вы действительно хотите знать, что я собираюсь предпринять?

– Нет-нет. – Нитти отвел взгляд. – Возможно, вы и правы. Точнее, определенно правы.

Мне будет достаточно результатов.

– Мне нужно пятьдесят миллионов.

– Вы в своем уме?

– Не могу же я все сделать в одиночку. Не беспокойтесь, о вас никто не узнает. И наоборот.

– На сей раз уже вы меня шантажируете.

– Если хотите, еще не поздно дать отбой.

– Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать, – сдался Нитти. – Итак, на чем мы порешили?

– Как будете готовы, пришлите деньги мне в участок «Пони-экспрессом». После этого я сделаю все необходимое.

Когда Итала вернулась в участок, дятел яростно долбил в ее голове. Среди множества фотографий Джузеппе Контини, которые она видела, ей запомнилась та, что была сделана после его ареста. Этот широкоплечий красавец запросто нашел бы другую девушку, если бы Кристине вздумалось его бросить. Но если он маньяк-убийца, применять к нему подобные доводы нет смысла. Пятьдесят шансов из ста, что он невиновен. Пятьдесят шансов из ста, что она совершит колоссальную подлость.

Пятьдесят на пятьдесят.

Первым в тот вечер прибыл Амато. Три года назад Итала познакомилась с ним на стоянке на дороге Милан – Пьяченца, где на закате нашла потрепанную фуру, две полицейские машины и три патрульных мотоцикла, чьи экипажи спорили, разбившись на группки. Водитель фуры сидел на стальной подножке кабины и курил в наручниках на запястьях.

При виде Италы агент, который срочно ее вызвал, возвел руки к небесам:

– Спасибо, Господи, что послал нам Королеву, чтобы мы, возможно, смогли разъехаться по домам.

Все оглянулись, чтобы посмотреть на нее, кроме одного полицейского, повернувшегося к ней спиной.

Остальные наперебой объяснили ей, что в фуре двести коробок контрафактной одежды от *Armani* и *Gucci* и что они сошлись на трети груза, и все было бы хорошо, если бы не заартачился пингвин¹¹.

– Мне ведь не каждый раз, когда вы спорите, приходится приезжать и играть роль миротворца, – заметила Итала. – Вас пятеро против одного, вам этого мало?

– Да мы пробовали договориться, но ты будешь убедительнее. Ну и само собой, бери что хочешь.

Итала проггала говорившего взглядом.

¹¹ Пингвинами в итальянской полиции называют неопытных сотрудников-новичков.

– Я не люблю подделки. Это он доставляет проблемы? – спросила она, кивнув на широкоплечего парня, стоявшего спиной.

– Точно.

Итала раздавила окурок о подошву и подошла к нему. Пингвин выглядел лет на двадцать, расплюснутый нос придавал ему вид персонажа французского нуара.

– Как насчет того, чтобы поговорить в твоей машине? – спросила она.

– Слушай, я не знаю, кто ты такая, черт возьми, но мне сказать нечего.

– Я суперинтендант Карузо, – ответила Итала, посуровев. – Полезай в машину.

Пингвин обмер:

– Есть, госпожа Карузо.

Итала подождала, пока парень сядет на водительское сиденье и закроет дверцу, а затем влепила ему увесистую оплеуху, от которой голова у него дернулась набок.

– Это за то, что ты проявил неуважение ко мне на глазах у остальных. Никогда так не поступай, особенно по отношению к коллеге, которая приехала, чтобы вытащить тебя из неприятностей.

– У меня будут неприятности?

– Помолчи. – Итале это все уже осточертело. – Как давно ты служишь?

– Полгода.

– И до сих пор не понял, как все устроено?

– Я просто хочу добиться соблюдения закона.

– По-твоему, ты сможешь сделать это в одиночку? – спросила она его, словно школьника.

– Нет.

– Тогда прекрати выкручивать яйца своим коллегам. Потому что ты добьешься только того, что останешься один, как собака. И в конце концов сдашься.

– Это аморально.

– Слушай, придурок. У любого мелкого мафиозо в кармане больше денег, чем мы видим за год. Любой барыга зарабатывает нашу зарплату за день.

– И что?

– А то, что надо устранить соблазны, потому что, к твоему сведению, твои коллеги – тоже люди и им нужно погашать кредиты, вносить алименты или оплачивать школу для детей.

– А принимать краденое – значит противостоять соблазнам?

– Альтернативные варианты гораздо хуже.

– Кроме того, чтобы оставаться честными.

Итала вздохнула:

– Спроси себя, стоят ли две коробки с контрафактной одеждой твоего будущего. – Она предложила ему сигарету, и они опустили стекла, чтобы не задохнуться. Время криков и оплеух прошло. – Как тебя зовут?

– Даниэле... Агент Даниэле Амато.

– Хочешь уйти из семьи?

– Нет, – ответил Амато, смирившись.

– Молодец. Если не хочешь сделать подарок своей девушке, это не проблема. Просто прикрой своих, и увидишь, что, когда придет твой черед, они сделают то же самое для тебя.

– Такого никогда не случится, – заявил Амато.

Разумеется, он ошибался. Через шесть месяцев он перевелся в Кремону, чтобы быть поближе к ней, и начал покупать спортивные автомобили. Теперь он стал одним из самых доверенных лиц Италы, и ей удалось сделать его помощником начальника и определить в мобильное подразделение.

Сразу же после Амато на встречу прибыл Отто, все еще хмурый из-за истории с инкасаторским фургоном, раскрытой карабинерами, а затем братья Вероника – похожие как две капли воды блондин и брюнет из отдела по борьбе с организованной преступностью.

Итала усадила их в столовой, поставив им бутылку граппы «Либарна», которую купила только потому, что ей понравилась форма бутылки.

– Не шумите, а то соседи взбесятся, – велела она.

– В чем дело, Ита? – спросил Отто, приправляя щедрую порцию спиртного зернышком кофе.

– Помните некую Мадзини?

– А как же? – отозвался Отто. – Ее при мне доставали.

– По – опасная река, – заметил Амато.

– Ее прикончила не По, а тот заправщик, – сказал Вероника-брюнет. – И двух других тоже.

– Ему нравились маленькие девочки, точнее, одна, – согласился Амато. – Но, помимо этого...

– Мне этого достаточно, – заявил Отто. – А вам нет?

– Ладно, давайте теперь рыться у людей в нижнем белье, – недовольно пробурчал Вероника-блондин.

– Сыграем в игру. Кто считает его виновным – поднимите руки, – предложила Итала.

Вероника-брюнет и Отто подняли руки. Снова пятьдесят на пятьдесят, и она разрывалась пополам.

– Хорошо. Мы должны отправить его за решетку.

Амато озадаченно посмотрел на нее:

– Разве этим не занимаются карабинеры?

– Ама... По-твоему, мы сейчас в участке? – спросил Отто.

– Значит, это неофициально?

Итала покачала головой:

– Если бы что-то было, карабинеры бы это нашли.

– Значит, нам нужно найти то, чего нет? – уточнил Вероника-блондин.

– Похоже, что именно так, – сказал Отто, потирая торчащие усы.

Итала не удивилась, что он понял. Отто находился в игре дольше всех, и его уже ничто не изумляло.

Амато поднял руку. Ему это не нравилось, но его преданность Итале была сильнее щепотливости.

– А если он ни при чем?

– Это решать судье, – отрезала Итала. – Мы ограничимся тем, что отправим его под суд.

– Но у нас есть какие-то причины? – осведомился Отто. – Или мы идем на это просто так, шутки ради?

– Десять миллионов на брата. Итак, у кого-нибудь есть идеи, как это повернуть?

Итала надеялась, что никто не откроет рта. Возможно, Нитти ничего и не сделает. Все, что у него может быть против нее, – это слухи да чертово прозвище Королева, которое звучит слишком по-мафиозному для сотрудницы полиции. Сотрясение воздуха. Она может опустошить свои сейфы и гараж от добра, которое не решилась обналичить. Конечно, слухи будут иметь неприятные последствия, и ей придется бороться зубами и когтями, чтобы защитить свое теплое местечко. Но по крайней мере...

Ее размышления прервал Вероника-блондин:

– Пожалуй, я кое-что придумал.

Контини больше не работал заправщиком. После ареста его уволили, и он устроился грузчиком в сельскохозяйственную компанию. Итала хотела встретиться с ним, ей нужно было посмотреть ему в глаза. Она знала, что его смена длится до девяти вечера, и дождалась, пока начнет смеркаться, прежде чем подъехать к большому складу, куда прибывали грузовики с зерном.

Тяжелые ворота были открыты, и Итала двинулась к зоне разгрузки, где около десятка грузчиков сменяли друг друга. Контини управлял вилочным погрузчиком, укладывающим на поддоны пластиковые мешки с удобрениями. По сравнению с опознавательными снимками он изменился – начал лысеть с висков и поправился на тридцать килограммов. Работа на рампе наградила его мускулистыми руками и широкими плечами, натягивающими комбинезон, да и вечерние попойки сделали свое дело. Но больше всего поражало то, как изменилось его лицо. Преждевременные морщины изогнули его губы вниз, а глаза Контини шурил, будто отовсюду ждал неприятностей.

У него был вид человека, попавшего в тюрьму по сфабрикованным обвинениям. Такие, как он, никому не доверяют, потому что их могут продать за пачку сигарет. Они принимают душ только после того, как остальные вернутся в камеры, а во время тюремных прогулок они вынуждены оставаться в углах двора, не реагируя на оскорбления и плевки. Они находятся в тюрьме внутри тюрьмы, куда не суются даже надзиратели.

Итала машинально направилась к нему, словно влекомая какой-то неодолимой силой. Сунула в рот сигарету и зажала дрожащими губами.

– Простите, – не своим голосом произнесла она. – Огоньку не найдется?

Контини достал из кармана пачку, вытащил из нее зажигалку «Бик» и постучал по ней. На Итале он задержал внимание всего на мгновение, и уже когда зажигал ей сигарету, его совершенно равнодушный взгляд скользнул прочь.

– Спасибо, – сказала Итала, затягиваясь.

Пятьдесят на пятьдесят.

Пятьдесят на пятьдесят.

Ей не удавалось изменить эту вероятность даже сейчас, когда поезд ушел.

Итала сделала вид, что оглядывается по сторонам, а затем отвернулась и направилась прочь. Когда она уже находилась почти за пределами слышимости, коллеги парня начали его подкалывать.

– Посади свою подружку на диету, а то как бы кровать не сломалась, – сказал один из них.

Контини послал его куда подальше и вернулся к работе. Итала покраснела от стыда и гнева.

Снаружи ее дождался Отто в машине, *позаимствованной* со стоянки конфискованных автомобилей.

– Ну что?

Итала взяла себя в руки.

– Мы сделаем это, – ответила она, садясь в машину. – Где эта дрянь?

Отто протянул ей темный пластиковый пакетик.

Контини переехал в Сан-Преденго, поселок под Кремоной с единственной длинной улицей, тянущейся от гольф-клуба «Торраццо» до соседнего поселка Боффалора, – четыре километра сельскохозяйственных и промышленных складов, перемежающихся преимущественно нежилыми фермами. Среди зелени прятались и виллы, но жилище Контини представляло собой двухэтажный дом с желтыми стенами и крышей виноградного цвета, в котором проживали четыре семьи, связанные между собой родством.

– Он живет один на первом этаже, – сказал Отто. – Выигрышное сочетание для верного успеха.

Вечер дышал прохладой, наступило время ужина, и никто из соседей не стоял на балконах; в окнах виднелись отсветы включенных телевизоров.

Отто не только занимался паспортами, но и славился золотыми руками. Не случайно именно он был *замочником* участка, полицейским, отвечающим за открытие замков, когда двери было невозможно выломать тараном – или нежелательно, как сейчас.

Залаяла собака, и по спине Италы побежали мурашки. Отто невозмутимо стоял на коленях перед дверью квартиры, выходящей во внутренний дворик, чертыхаясь вполголоса всякий раз, когда проволока выскальзывала из замка. Взлом занял две минуты, которые показались Итале вечностью, и когда Отто закончил, она готова была расцеловать его от облегчения. Они уже успели надеть перчатки, а едва переступив через порог, натянули бахилы, сделанные из продуктовых пакетов. Включать свет они не стали, освещая себе путь фонариком, заклеенным скотчем. В квартире царил беспорядок, воняло грязной одеждой и капустой.

– Сразу видно, что не хватает женской руки, – прошептал Отто. – Подмести не хочешь?

– Заткнись на секунду.

Итала огляделась и увидела небольшой кухонный балкон. Герань в Кремоне традиционно являлась неперенным дополнением к окнам, но Контини, похоже, не обладал талантом цветовода.

– Да, моя Королева. – Отто положил фонарик на пол и заглянул под кухонные шкафы. – Может, сюда прилепим?

– Слишком просто.

Рядом с балконными перилами, между вениками и стиральной машиной, Итала заметила длинный цветочный горшок из серого бетона. Земля была перемешана со старыми окурками и фантиками, не хватало только чего-то живого.

– Здесь в самый раз, – решила она. – Помоги мне, чтобы я тут все не перепачкала.

Они раскопали землю, разделяя слои и укладывая их обратно более или менее таким же образом, а затем Итала вытащила из черного пластикового пакетика маленький сверток ткани и сунула его в ямку.

Это были женские трусики.

По пути домой машину полупьяного и полунакуренного Контини остановили патрульные в штатском. Двое агентов, блондин и брюнет, до странности похожие друг на друга, нашли у него в кармане пять граммов гашиша и объяснили, что, согласно новому закону о наркотиках, они обязаны задержать его по подозрению в сбыте и обыскать его дом. Контини ехал за ними как лунатик. Полицейские не выключали сирену до самого его балкона, перебудив всех соседей.

Это было похоже на один из кошмаров, в которых сдаешь школьные экзамены голым, только в тысячу раз хуже. Все его родственники, половина из которых не разговаривала с ним после ареста, столпились во дворе, чтобы посмотреть, как разбирают его квартиру. Полицейские демонстрировали публике вещи, словно на аукционе: порнокассеты, комиксы, опиумная трубка, которой он никогда не пользовался, окурки косяков и даже вырезки из газет, в которых писали о его деле. При этом они во весь голос комментировали каждую находку, чтобы те, кто стоял снаружи, не пропустили ни малейшего шага.

Через некоторое время один из полицейских сунул руку в старый горшок на балконе:

– Ай-ай-ай. Что у нас здесь?

– Похоже на женские трусики, – отозвался второй.

В трусики был завернут старый выкидной нож.

– Ай-ай-ай, – повторил первый. – Похоже, у лезвия незаконная длина... А что это за пятна?

– Похоже на кровь, – ответил второй.

Контини разом протрезвел. «Они знали», – подумал он.

– Это не мое! – закричал он. – Вы мне подложили!

Темноволосый полицейский толкнул его к стене, до крови разбив ему верхнюю губу.

– У нас полно свидетелей, – сказал он. – На этот раз не выкрутишься, грязный убийца.

Той же ночью Контини оказался в тюрьме, а годом позже предстал перед судом. Несмотря на усилия защищавшей его юридической конторы, ему быстро вынесли приговор.

В тот день Итала взяла отгул и отправилась выпить в «Харчевню». Закусочная была закрыта, но скамейки по-прежнему находились там, прикованные к бетонной набережной цепями и кольшками. Она открыла принесенную из дома бутылку вина, протолкнув пробку внутрь, и отхлебнула из горлышка. Вино казалось безвкусным. Парня посадили, хотя не появилось ни одной новой улики, кроме тех, которые подбросила она.

Пара трусиков, которые использовались собаками для поисков, старый складной нож, изъятый у сутенера, со следами крови, взятой на анализ перед погребением тела Кристины. Адвокат отправила их в Швейцарию для проверки ДНК, будучи уверена, что столкнулась с подлогом. Так оно и было, но подлог был качественный, и Контини получил пожизненное заключение за тройное преднамеренное убийство при отягчающих обстоятельствах. Однако процентная вероятность в голове у Италы не изменилась, и дятел продолжал давать о себе знать.

Пятьдесят на пятьдесят.

Пятьдесят на пятьдесят.

Итала сотворила чудо для магистрата Нитти. Теперь же, добравшись до середины бутылки, она попросила у Провидения еще об одном чуде – на сей раз для самой себя. Пусть случится что угодно, что позволило бы ей избавиться от этой одержимости и помогло бы понять, совершила ли она правосудие посредством зла или, как выражался дон Альфио, навеки погубила свою душу, подставив невинного и позволив убийце разгуливать на свободе. Чуда не произошло, но постепенно Итала перестала об этом думать, потому что так устроен мир.

Но потом Контини убили.

Берлога. Наши дни

7

Четвертое пробуждение Амалы стало самым тяжелым. Голова раскалывалась, мысли путались, но она помнила все. На сей раз она очнулась не в подобии больничной палаты, а в гораздо более просторном помещении, в полутьме, воняющей сыростью. Кровать теперь была шире и мягче, – впрочем, кровать оказалась просто матрасом, лежащим на бетонном полу. И ее одежда исчезла. На ней было что-то вроде халата, закрытого спереди, а под ним – ничего.

Рутинная операция.

Амала в панике ощупала себя и, не найдя ни ран, ни чего-либо еще, вскочила с матраса. Что-то резко удержало ее за левую руку, причинив жгучую боль, похожую на ожог. Это был металлический трос толщиной с ее мизинец: он прошел у нее под мышкой, содрав кожу и плоть. Закапала кровь.

Все еще крича от боли, Амала отчаянно попыталась вырвать его, и на этот раз почувствовала ужасную боль в верхней части спины, такую сильную, что она чуть не потеряла сознание. Она упала обратно на матрас и попыталась дотянуться рукой до тупой пульсации, которую ощущала в области левой лопатки. Именно туда, под клубок марли и скотча, уходил трос. Под марлей, где исчезал трос, к коже были приклеены какие-то шарики. Она приподняла скотч, чувствуя, как что-то отрывается, и, посмотрев на свои пальцы, обнаружила, что они мокрые от крови.

Борясь с рвотными позывами, Амала еще раз попыталась просунуть пальцы под повязку и наконец нащупала один из шариков. Она попробовала вынуть его, и боль снова обострилась – странная, пульсирующая, распространяющаяся по всей руке. Попытавшись просунуть под него один из уцелевших ногтей, она обнаружила, что никакого «под» не существует, потому что это не шарик, а что-то металлическое, вставленное внутрь ее. Винт.

Трос был ввинчен в ее плоть.

8

Пока Амала открывала для себя реальность своей тюрьмы, Джерри оставлял сумки и готовился к выходу. У него были светлые волосы до плеч и хипстерская борода, делавшие его похожим на атлетичного косплеера Иисуса.

Он был одет в футболку, плотно облегающую грудь и бицепсы; еще на нем были чистые, но поношенные хлопковые джинсы и такие же старые трекинговые ботинки.

В кармане у него лежал паспорт на имя Гершома Перетца, жителя Тель-Авива, и свидетельства о вакцинации собак. Их у него было пять – три метиса среднего размера, волкодав и самка золотистого ретривера, – и никого из них нельзя было назвать выставочным животным. У самки отсутствовало ухо, у одного из метисов – левая передняя лапа, у остальных имелись всевозможные шрамы и обрубленные хвосты. Выгуляв собак в саду, Джерри погрузил их в «вольво икс-си 90», арендованный в аэропорту. Жилище, которое он снял через сайт *Airbnb*, представляло собой двухэтажное здание в пригороде Милана. Это был типичный дом умершего родственника, обставленный мебелью, слишком уродливой даже для блошиного рынка, но Джерри был человеком со скромными потребностями. Владелец согласился отменить бронирование и взять деньги по-черному, чтобы по возвращении на родину его арендатору не пришлось оформлять многочисленные – и несуществующие – израильские документы.

Перед отъездом он прихватил большую отвертку с деревянной рукояткой и сунул ее в задний карман джинсов.

Он поехал в Милан, в район Маджолина, где припарковался, а затем добрался до здания в десяти минутах ходьбы, на входной двери которого была установлена камера наблюдения. В семь часов утра, в рассветных сумерках, на улице встречались только мусоровозы и редкие любители ранней пробежки. Он обмотал пальцы скотчем, отключил отверткой электрическое соединение камеры, затем открыл дверь кусочком проволоки и пешком поднялся на третий этаж. За закрытыми дверями начинался шум пробуждающейся жизни: плач детей, телевизоры стариков, которые просыпались рано, чтобы ничего не делать; однако в интересующей его квартире было тихо. Он отпер замок проволокой, снял цепочку и, разувшись, чтобы не шуметь, вошел в полутемное помещение. Затем проверил комнаты: в первой – спящая женщина, во второй, через коридор, – старик на кровати с откидным изголовьем.

Мужчина спал, его живот под одеялом был раздут от асцита, конечности походили на четыре палки. В комнате, провонявшей лекарствами и алкогольными парами, слышалось только его сиплое дыхание; рассветное солнце, проникающее сквозь жалюзи, отбрасывало его тень на стену с маленьким алтарем падре Пио¹².

Джерри задумался, брызнет ли из старика жидкость, если проколоть ему живот, но проверить не стал. Вместо этого он сунул в рот старику свой носок и крепко удерживал его, пока тот просыпался.

– Если издашь хоть звук, я выколю тебе глаза, – прошептал он, пригрозив ему отверткой. – Потом скормлю их твоим внукам и сделаю то же самое с ними. Я знаю, где они живут и в какую школу ходят. Кивни, если понял.

Старик, обливаясь кислым потом, кивнул, и Джерри отпустил его.

– Что тебе нужно? – хрипло спросил лежащий.

– Поговорить о твоих грехах. Помнишь Окуня?

– Не знаю... да. Сколько времени...

– Много. Ты думал, что тебе все сошло с рук, не так ли?

– Не понимаю, о чем...

Джерри ткнул отверткой ему в ноздрю:

– Хочешь третью дырку в носу? Я знаю, *что* ты и твои друзья провернули много лет назад, так что не отпирайся. Мне нужны имена.

Джерри узнал все, что ему требовалось. В половине седьмого утра улица внизу начала оживать, откуда-то доносился аромат кофе: время в его распоряжении подходило к концу.

Он оглядел комнату.

– Ты плохо ходишь, тебе будет трудно дойти до окна, – произнес он.

– У меня рак печени... Он сожрал меня...

Но Джерри его больше не слушал, сосредоточенно роясь в лекарствах на тумбочке.

– Никакого снотворного?

– Нет. Но я тебе все рассказал... Чего еще ты хочешь?

– Вставай.

При помощи Джерри старик повиновался, ища глазами путь к спасению и силясь втиснуть распухшие ноги в тапки.

– Тсс, – велел Джерри. – Не станем будить даму, ладно?

Старик кивнул, из его глаз и носа потекло. Джерри подвел его к двери квартиры и, подхватив свои ботинки, вывел на лестничную площадку.

¹² Падре Пио, или Пий из Пьетрельчины (1887–1968), – священник и монах из ордена капуцинов, почитаемый как католический святой.

Мужчина попытался позвать на помощь, но Джерри вовремя зажал ему рот, оцарапав его губы скотчем.

– Лестница – это великая классика, – прошептал он и толкнул его.

Старик упал спиной на ступеньки, ударившись о площадку со шлепком мусорного мешка. На втором этаже открылась дверь, и громкий голос, перекрывающий звук телевизора, поинтересовался, не ушибся ли кто.

– Судья Нитти? – спросил старческий голос.

Несмотря на множественные переломы, Нитти был еще жив. Джерри склонился над ним, придерживая свои длинные волосы, чтобы не испачкаться.

– Травмы, соответствующие падению, – шепнул он на ухо старику и разможил ему череп о край ступеньки.

9

Мать Джузеппе Контини по-прежнему жила в старом кондоминиуме на улице Сан-Преденго, который Франческа видела тридцать лет назад, хотя и не помнила его таким убогим. Теперь дом почти полностью населяли пакистанцы, работающие на близлежащих животноводческих фермах.

Ей открыла сиделка-румынка и провела ее в комнату Сильваны. Женщина сидела в кресле с откидной спинкой под большим черным распятием на стене, из ее носа тянулись кислородные трубки. Помимо кресла, здесь стояли больничная койка и стойка для капельницы, а в воздухе висел невыносимый запах болезни и дезинфицирующих средств. В свои восемьдесят два года Сильвана весила почти девяносто килограммов, и Франческа едва узнала в ее огромном теле черты женщины, с которой познакомилась несколько десятилетий назад.

– Меня удар хватил, когда вы позвонили, – сказала старуха. Голос у нее был сильный, но хриплый и задыхающийся. – Сколько мы уже не виделись?

– С самых похорон вашего сына. Много воды утекло. Как вы?

– Как старая развалина. Зато вы все такая же. Садитесь куда-нибудь.

Сиделка взяла с кресла журнал и ушла на кухню. Франческа села, с отвращением ощущая телесное тепло своей предшественницы.

– Спасибо, что согласились меня принять.

– У меня не так уж много дел. О чем вы хотели поговорить?

Франческа с облегчением поняла, что Сильвана не связала ее фамилию с похищенной девушкой, о которой трубили во всех газетах и выпусках новостей.

– Я недавно вернулась из-за границы и начала обращаться мыслями ко всем делам, которые вела до отъезда... И мне вспомнился суд над вашим сыном. Я пришла, чтобы попросить прощения.

Сильвана закричала:

– За что? Вы не виноваты.

Франческа вздохнула; в этот момент все казалось ей нереальным.

– Процесс должен был вести мой отец, а я была всего лишь стажеркой. Но отец оказался очень занят. В газетах уже несколько месяцев писали, что ваш сын – Окунь, судьи проявили предвзятость, присяжные – еще больше, и меня просто размазали в зале суда. Возможно, отец и сумел бы добиться оправдания Джузеппе, но мне это не удалось. И меня всегда мучили сомнения, не был ли ваш сын невиновен, не вынесли ли ему несправедливый приговор.

В действительности Франческа ощущала не сомнения, а уверенность. Но в разговоре с матерью Контини она надеялась ухватиться за что-то, что подтвердило бы ее неправоту.

– Мой сын *был* невиновен. С ним омерзительно обошлись.

– Если это так и мы сумеем доказать его невиновность, то сможем очистить его имя, – солгала Франческа.

– Не знаю, что и сказать... Я уже даже не уверена, имеет ли это для меня значение. Скоро я встречу с ним на небесах.

– Есть ли у вас какие-то доказательства, которые мы еще не представили в суде? Или хотя бы подозрения?

– Если бы они у меня были, я бы уже отнесла их этому подонку-судье, который приговорил его к смерти. Просто чтобы посмотреть, какая у него станет физиономия.

– Синьора Сильвана, я знаю, что вы честная женщина, но, как и любая мать на вашем месте, наверняка попытались бы помочь Джузеппе, даже если бы он был виновен, – сказала Франческа, хотя думала как раз наоборот. – Я хочу обелить его память ради собственной совести, даже если вы не согласитесь, но, если у вас есть какие-то сомнения, если вы видели что-то странное, скажите мне. Рано или поздно это все равно всплывет.

– Я никогда не сомневалась в своем сыне. – Старуха зашла в приступе кашля и отпила воды из стакана, в котором плавала засохшая долька лимона. – Я знаю, что он был невезучим, но отнюдь не убийцей.

– Почему вы в этом так уверены?

– Он жил подо мной, и я видела его с девушками. Он никогда даже не повышал на них голоса и уж тем более не поднимал руку. Его интересовало в них только одно, а в остальном он держался сам по себе. Знаете, сколько их тут появлялось?

– И вы ни разу не видели здесь остальных двух жертв?

– Нет, он даже не знал, кто они такие. – Сильвана вытерла лоб рукавом халата.

К сожалению, Франческа ей верила.

– Я покинула Италию сразу после смерти вашего сына. Проводились ли дальнейшие расследования в отношении жертв?

– Вряд ли.

– И вас больше никто не допрашивал? Возможно, в связи с убийствами других девушек?

– Нет. Мой сын мертв, убийца мертв, никто не жаждал возвращаться к этой истории.

– Ваш сын никогда не говорил вам, что кого-то подозревает?

– Могу сказать вам только одно. Сын был убежден, что Крестину убил кто-то из ее круга. Об остальных девушках он ничего не знал.

– Из какого круга?

– Не знаю. Других друзей Кристины. Все они из обеспеченных семей.

– Джузеппе когда-нибудь говорил об этом на допросах?

– Возможно. Он рассказал мне о своем предположении позже, когда я навещала его в тюрьме. Я точно помню, но не знаю, правда ли это. Хотя он казался убежденным.

– В то время друзьям Кристины не могло быть больше двадцати лет.

– Надеюсь, что вы ошибаетесь, – сказала Сильвана, как будто впервые это осознав. – Потому что в противном случае этот ублюдок еще жив.

10

Джерри выгулял собак, успокоил взволнованно скулящую Алеф, а затем поехал в Читтадель-Фьюме и припарковался на главной площади.

Стая принялась носиться вокруг, увлеченная новыми запахами, – по крайней мере четверо из пяти, потому что волкодав Мем потерял обоняние вместе с носом. Джерри повел собак по тому же проселку через поля, где шла Амала. Тропа долго тянулась вдоль асфальтированной дороги и, прежде чем привести к ее особняку, пересекала два дома и гараж для тракто-

ров, где стоял сейчас полицейский автомобиль. Таких машин сновало здесь немало, не считая блокпостов на провинциальной дороге.

По пятам преследуемый Мемом, Джерри взобрался на стену из кубических тюков сена третьего скоса. Отсюда открывался широкий обзор местности. Пара фермеров на тракторе собирала последние тюки, а по встречной стороне, метра на четыре ниже, шел транспорт, в основном грузовики и фургоны. Посередине росли ели и тополя. Джерри прыгнул на землю, стремясь застать волкодава врасплох, но тот немедленно последовал за ним. Пару минут они поборолись, катаясь по траве, а затем Джерри поднялся.

– Теперь оставайтесь в машине, мне нужен покой, – сказал он на иврите. – Сидите и ждите.

Стая успокоилась. Джерри пересек рощицу, вскарабкался по насыпи на обочину шоссе и снова огляделся. Слева – последний перекресток перед поселком, в сотне метров справа – поворот без отбойника, скрытый деревьями. Идеальное место, чтобы оставить фургон с открытой дверцей, выйти, похитить Амалу и уехать. С дороги никто бы ничего не увидел.

Джерри направился осматривать поляну. Двигаясь кругами, он блуждал взглядом по шевелящейся листве, деревьям и травинкам, пока не почувствовал зуд на затылке, точнее, в затылке. Этот зуд появлялся, когда он подсознательно замечал что-то, но не мог сосредоточиться.

Он еще раз прошел последние несколько метров, но безрезультатно. Зная, что, упорствуя, ничего не добьется, он вернулся к машине за специально привезенной сумкой, которую называл своей косметичкой. Затем выпустил собак и, запершись в автомобиле, достал из сумки квадратное зеркало размером с книгу, мешочек с песком и Зогар¹³.

Джерри высыпал на зеркальце песок, который собрал в кратере Рамон¹⁴, когда был еще мальчишкой, хотя тогда еще и не осознавал, что это за место. Сотни миллионов лет назад пустыня Негев была океаном, и к каменистому песку примешивались фрагменты аммонитов, придававшие ему блестящий и переливающийся серый цвет.

Наугад полистав трактаты Зогара, Джерри остановился на одной из страниц и начал монотонно, вполголоса читать. Он старался вникать не в смысл текста, а только в звучание и форму букв. Две из них замерцали собственным светом. Он погрузился в сияние, глубоко дыша, полностью расслабившись и постепенно отключаясь от внешних звуков. Затем стер из восприятия сиденье, на котором сидел, салон автомобиля и весь остальной мир.

Частота его дыхания и пульса стали такими же, как у крепко спящего человека, и через несколько минут глаза под его веками задвигались. Джерри нырнул в контролируемое, осознанное сновидение.

Каждому из нас случалось находиться во сне и при этом понимать, что мы спим. Обычно мы просыпаемся, но иногда зависаем на грани реального мира, управляя сном, подобно кинорежиссерам. Джерри же вошел туда, как пилигрим в поисках ответов.

Во сне стояла глубокая ночь, а сам он стал ребенком, но роща была той же самой, которую он осмотрел несколько минут назад. Он босиком шел к припаркованному белому фургону, который трясся на подвеске, как будто внутри двигалось что-то или кто-то очень большой и тяжелый.

Ребенок из сна испугался и попытался повернуть назад, но взрослый Джерри взял управление на себя и подтолкнул его вперед. Они вместе шли босиком по сухой траве к фургону, который, будто радиоактивный, сиял собственным светом. Звуки, доносившиеся изнутри, стали настолько громкими, что заглушали все остальное. Всякий раз, когда существо в грузо-

¹³ Зогар – каббалистический трактат, мистико-аллегорический комментарий к Торе.

¹⁴ Рамон – эрозионный кратер в пустыне Негев.

вом отсеке двигалось, оно словно ударяло молотком по листовому металлу, а между ударами слышалось глухое жужжание, похожее на гул динамо-машины.

Джерри заставил маленького себя взяться за ручку двери и открыть ее. Его сердце заколотилось, дыхание стало прерывистым.

Распахнув дверцу, он увидел свою мать.

Мама сидела на полу фургона, уронив голову в ладони. Она казалась измученной.

– Мама? – окликнул ее маленький Джерри.

Она подняла на него взгляд. У нее было лицо насекомого.

Ужасающее зрелище выбросило Джерри из сна, заставив открыть глаза и снова воспринять мир – салон автомобиля, бегающих собак, ветер, щебет птиц. Он насквозь промок от пота.

Как и все сны, осознанные сновидения быстро исчезали, однако Джерри помнил достаточно. Мать, фургон, гигантское насекомое. Подсознание пыталось что-то ему сообщить, но в мозгу ничего не щелкнуло.

Во сне он начертил на песке две буквы. *Тав* и *Мем*.

Вместе они читались как *МЕТ*, и его зацепило это слово, написанное на лбу голема: *мертв*.

11

Амала не могла пошевелиться несколько часов. В теле засел кусок железа, похититель разрезал ее плоть и засунул ей внутрь эту кошмарную штуковину. Наверняка инфекция уже отравляет ее кровь, но что будет, если она пошевелится? Возможно, железка врежется еще глубже и Амала навсегда останется калеккой или умрет от потери крови. Но за последний час желание опорожнить мочевой пузырь стало неотложным. Живот болел, а сжатые бедра сводило судорогой от напряжения. Она должна была это сделать, но сначала ей требовалось подняться с этим тросом внутри. И она не могла больше ждать.

Она осторожно села и попыталась понять, где находится. Под штукатуркой стен проступала сетка старой кирпичной кладки, потолок был сводчатым, белый пол представлял собой всего лишь слой краски на бетоне. Единственный свет падал сверху, где ряд вентиляционных отверстий пропускал солнечные лучи.

Она находилась под землей, то ли в подвале, то ли в фундаменте старого здания.

Превозмогая отвращение, она осторожно, чтобы не потянуть за имплант, размотала трос. Он оказался около трех метров в длину, толщиной с ее мизинец и заканчивался массивным кольцом, надетым на металлический прут, приваренный горизонтально к стене за ее головой. Она попыталась потянуть, и кольцо легко скользнуло по пруту, издав металлический скрежет. Амала испуганно замерла, на мгновение забыв о лопающемся мочевом пузыре. А вдруг *этот* не хочет, чтобы она двигалась? Она не видела его, но не сомневалась, что он вернется. Вдруг он убьет ее за то, что она вышла из комнаты? Или имплантирует ей еще один стальной трос?

Невыносимое желание пописать вернулось. Она должна была это сделать, хотя бы у стены. Она снова встала, держа трос в правой руке. Он был легким, и стоя она могла передвигать его без скрежета.

Она сделала три шага, преодолев изгиб стены, и обнаружила, что сразу за поворотом прут раздваивается и от каждой развилки отходят все новые прутья, раздваивающиеся через каждые пару метров. Благодаря развилкам горизонтальные, вертикальные и наклонные прутья образовывали сложный лабиринт. И на каждой развилке необходимо было вручную разблокировать кольцо и сдвинуть его в одном из множества возможных направлений. Вдобавок требовалось выбрать правильный путь, иначе окажешься на пруте, что неожиданно заканчивался металлическим стопором, преодолеть который невозможно. С Амалой это случалось много раз, и она продвигалась крайне медленно. Избрав верное направление, она вышла из маленького под-

вала, в котором была заперта, и очутилась в подвале побольше, где, слава богу, стоял ржавый металлический указатель со стрелкой и надписью «Туалет». Подвал, где она очнулась, был абсолютно голым, но во втором помещении, огромном, как баскетбольная площадка, стены были обклеены рекламными плакатами с изображениями термальных бассейнов и саун, которых Амала никогда раньше не видела. Прутья, которых стало уже около двадцати, разбегались веером, закрепленные над плакатами, а значит, находились там уже долгое время.

Названия товаров были оторваны или перекрыты нанесенными из баллончика надписями – «Бассейн», «Гидромассажная ванна», – а изображения изуродованы плесенью и пузырями. Расплывшееся лицо доброй массажистки стекало на ее униформу цвета мочи, вода в бассейне бурлила нечистотами, а парочка, наслаждающаяся напитками в ванне, слилась воедино и походила на двухголового монстра.

Амала разрыдалась – все это казалось слишком ужасным, чтобы быть правдой, – но, готовая обмочиться, продолжала тащить кольцо по направляющим, останавливаясь через каждые два-три шага, двигаясь по стрелке в сторону третьего подвала. Несколько раз она выбрала не ту направляющую и снова расплакалась от отчаяния.

Наконец она оказалась в третьем подвале, таком же просторном, как и второй. На рекламных плакатах изображалась большая кухня с видом на сад, где покрытые плесенью матери толкали коляски, полные слякоти. Одну из стен почти целиком занимала большая плита с шестью конфорками и надписью «Распродажа».

Единственным реальным предметом был один из тех высоких красных пластиковых туалетов, которые устанавливают на стройках и рядом с теми местами, где проходят фестивальные концерты. Слезы застилали глаза, но с небольшим усилием Амале удалось подойти. Когда она приоткрыла дверцу, у самых ее ног пробежали несколько тараканов. Что она найдет внутри?

Она брезгливо подтолкнула дверь локтем и, к своему удивлению, оказалась перед турецким унитазом¹⁵. Обычно в подобных кабинках ставят биотуалеты, но эта представляла собой всего лишь пустую оболочку без дна и крыши, привинченную к полу и потолку, чтобы создать иллюзию уединения. С потолка свисал резиновый шланг, из которого стекала в сток вода. Амала наконец сделала то, что собиралась, – моча отдавала дезинфектантом, – а затем попила из шланга. Вода оказалась ледяной и железистой, как из горного родника. В воздухе, проникающем через вентиляционные отверстия, пахло деревьями. И такие деревья не росли возле ее дома.

Теперь ею овладел голод, и, пробираясь обратно через «кухню» и «спа» своей скрежещущей походкой, Амала задавалась вопросом, получит ли каким-то образом еду. Или ей суждено умереть здесь, на цепи, как собаке?

Слишком измученная, чтобы плакать, изнывающая от раны, она решила вернуться и повалиться на матрас.

Но когда она добралась до первого подвала, ее уже ждал похититель.

12

Джерри вернулся, чтобы еще раз осмотреть рощицу, пытаясь вспомнить ощущение, испытанное во сне. Слово «мертв» могло означать как сухостой, так и труп, однако, увидев у основания каменного дерева горстку пчел, он понял, что настоящий смысл подсказки был другим. Насекомые погибли всего несколько часов назад, потому что их еще не съели грызуны и птицы, но их позы не были скрюченными, как при использовании пиретроидных инсектицидов.

¹⁵ Турецкий унитаз, он же чаша Генуя – напольный унитаз, предполагающий сидение на корточках при пользовании им.

Потом он заметил несколько еще живых пчел, нервно летающих вокруг ветки метрах в трех над землей, где, вероятно, находились соты. Видимо, эта пчелиная колония покинула чью-то пасеку, устремившись вслед за новой королевой.

Джерри снял ботинки, чтобы ноги не соскальзывали с гладкого ствола, и взобрался на дерево. В дупле, привлечшем его внимание, обнаружилось довольно большое гнездо с комком мертвых пчел, перекрывающим один из доступов к сотам. Выжившие разбирали его, расчленивая мандибулами трупик товарок. Джерри отодвинул комок насекомых веточкой и сбросил в траву, распугав маленький рой. Мимо проезжала на велосипеде девушка с окрашенными в шатуш волосами и беспроводными наушниками в ушах, и Джерри поспешно спрыгнул на землю.

– Простите, не раздавите их, пожалуйста.

Девушка выключила музыку.

– Вы кто, викинг?

– Нет, я просто провожу кое-какие изыскания.

– Ищите пропавшую девушку?

– Нет. Я занимаюсь насекомыми. Вы не против?

– Это пчелы? – спросила велосипедистка, показывая на комок насекомых. – Если они погибли, то из-за антенн 5G, которые еще и сбивают ориентацию у птиц.

Джерри склонился над комком и коснулся его прутиком.

– Я думаю, это была война.

– Между пчелами?

– С их врагами. Пчелы редко проявляют агрессию, но иногда просто вынуждены защищаться. – Джерри начал с ювелирной аккуратностью разбирать ком пальцами. – И когда враг захватывает соты, рабочим пчелам приходится принимать крайние меры, чтобы от него избавиться. Они покрывают его, образуя нечто вроде шара. Затем начинают так быстро махать крыльями, что воздух разогревается. И незваный гость изжаривается. К сожалению, вместе с ним погибают и доблестные пчелы, но главное, что выживает королева.

Разобрав клубок маленьких тел, Джерри добрался до центра шара. Пчелы в нем были такими хрупкими, что рассыпались в пыль от одного прикосновения. Это были героини, сражавшиеся на передовой, а под ними скрывался враг – огромная деформированная оса.

13

Похититель Амалы был одет уже не в медицинский халат, а в рабочий комбинезон, делавший его еще толще, надвинутую до бровей кепку и бессменную хирургическую маску.

Мужчина жестом предложил ей сесть – жест задумывался как добрый, но Амала могла думать только о том, что эта рука разрезала ей спину и проникла внутрь ее. Паника подтолкнула ее к попытке сбежать. Деваться было некуда, но этот факт словно вылетел у нее из головы. Через пару метров трос остановил ее, рванув за лопатку с такой силой, что она согнулась пополам от боли.

Мужчина подбежал к ней:

– Какого черта ты вытворяешь? Я только что наложил тебе швы! Хочешь, чтобы я сделал тебе еще одну операцию?

– Нет, нет... Пожалуйста! – крикнула она сквозь слезы и еще туже свернулась в комок.

– Твоих криков не услышит никто, кроме меня, а меня они бесят. Чем быстрее ты привыкнешь к своему положению, тем лучше для тебя.

– Ты вживил мне в спину трос!

– Вот и не забывай об этом в следующий раз. А сейчас ложись спать.

Амала отползла от него настолько далеко, насколько позволял трос.

– Я хочу домой! Отпусти меня!

Мужчина без всяких усилий поднял ее и отнес на матрас.

– Это мне решать, когда ты уйдешь, а случится это исключительно в том случае, если ты будешь делать то, что я скажу, поняла? Отвечай.

– Поняла, – пробормотала Амала, давась слезами.

– Я не собираюсь тебя насиловать и не стану применять силу, если ты меня не вынудишь. Я буду кормить тебя и поить, ты можешь передвигаться, насколько позволяет привязь, но не пытайся заходить дальше.

– Где мы? – прошептала Амала.

– Не задавай таких вопросов. – Он указал на сумку в изножье матраса, которой она раньше не заметила. – Здесь чистое белье, сменная медицинская сорочка, полотенце, мыло... и прокладки. Если понадобится что-то еще, просто скажи, но не трать мое время на капризы. – Он поднял коробочку с лекарством. – Антибиотики. Принимай по одной таблетке дважды в день. Вода в туалете пригодна для питья, а там, в ящике, – он кивнул в сторону того, что служил тумбочкой, – есть еще белье, пластиковые стаканчики и столовые приборы. А также антисептическая мазь и ибупрофен. И влажные салфетки.

Он бросил ей пакет, который девушка инстинктивно поймала на лету. Рана на ключице сразу же дала о себе знать.

– Больно!

– Постепенно это пройдет, если сделаешь так, как я сказал. Все поняла?

Амала кивнула, не зная, как реагировать на отстраненное поведение своего похитителя. Она постоянно ожидала, что он вот-вот разразится хохотом, как Джокер, и набросится на нее, однако он продолжал казаться рациональным человеком. Но это не могло быть правдой после того, что он с ней сделал. Амала не имела возможности прочитать выражение его лица, скрытого под маской. Но она видела его глаза, усталые, как у столетнего старика. Не жестокие, а отстраненные.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Можешь называть меня Орестом. Надеюсь, ты не доставишь мне хлопот.

14

Джерри положил осу в пустую упаковку из-под бумажных салфеток. Продолжив прочесывать поляну, он нашел двух других в еще худшем состоянии – одна была почти расплющена, – а также свежую отметину на стволе дерева, похожую на след от удара брызговика. Затем он прошелся до тропы, но не обнаружил больше ничего интересного.

Он вернулся в машину и направился обратно в Милан, сделав по пути пару звонков. Следуя указаниям, полученным во время последнего, он припарковался перед старым зданием в квартале Изола.

Оставив собак в машине с опущенными стеклами и надев кипу, он позвонил в дверь, выходящую во двор. Вывеска на итальянском, английском и иврите гласила: «Ювелирная мастерская». Ему открыл молодой человек с пейсами, одетый в рабочий фартук поверх белого халата.

– *Шалом алейхем*. Я Джерри.

– *Шалом*. Благословен Господь, который благополучно привел тебя ко мне.

Молодой человек впустил его, и Джерри, коснувшись мезузы¹⁶ на дверном косяке, благочестиво поцеловал пальцы.

¹⁶ *Мезуза* – свиток пергамента с фрагментом основной молитвы «Шма», прикрепляемый к косякам дверей в еврейских домах.

Мастерской руководило хасидское семейство израильского происхождения – десяток молодых людей и их родители, которые, в свою очередь, являлись братьями и сыновьями главы семьи. Джерри поприветствовал их всех и обменялся благословениями, прежде чем выпить кофе с патриархом в его маленьком кабинете.

– Ты праведный человек, Джерри? – спросил старик. – Ты выполняешь свой долг перед Господом и своей семьей?

– Да, ребе, с благословения Господа, пусть Он всегда направляет меня, – кивнул Джерри.

– У тебя есть дети?

– Пятеро. Я благословлен двумя сыновьями.

Патриарх налил ему еще чашку кофе по-турецки.

– Значит, ты трудился во славу Божию и народа Израилева. Чем мы можем тебе помочь?

Джерри положил на кофейный столик трех ос в пластиковом пакете и объяснил, что ему нужно. Патриарх, не поведя и бровью, поручил его заботам парня, открывшего ему дверь, которого звали Иммануил.

– Отец сказал тебе, что у нас нет ветеринарных инструментов? – спросил тот, изучая насекомых под ювелирной лупой. – Анализы, которые мы можем провести, поверхностны по сравнению с тестами в специализированной лаборатории. Основы химии и физики, благословен Бог, ведущий нас.

– Даст Бог, этого окажется достаточно, да будет благословенно имя Его. Как долго это займет?

– Недолго, можешь подождать здесь. Хочешь чего-нибудь выпить или поесть?

– Нет, благодарю.

Через час Иммануил подошел к автомобилю и постучал в окно, разбудив Джерри, уснувшего на сиденье среди собак. Джерри вышел из «вольво» и потянулся.

Иммануил отскочил.

– Ты привез собак, – констатировал он.

Правоверные считали их нечистыми животными, и многие израильтяне старой закалки их не любили. «Хороших собак не бывает», – говорили они.

– Я ценю, что ты не впустил их. – Тон Иммануила был учтивым, как у мажордома из старого фильма, хотя служил он и не Джерри. – Инфракрасная спектрофотометрия выявила на осах следы химических веществ. На всех трех присутствуют два элемента: акриловый клей и эластомеры поливинилхлорида. Иначе говоря, ПВХ. В данном случае – НПВХ. Знаешь, что из него производят?

– Контейнеры и покрытия.

– Верно.

– Что это за акрил?

– Медленнотвердеющий, подходящий для поляризационных материалов, таких как стекло и металл.

– Репозиционируемый... – произнес Джерри. Кое-что пришло ему в голову. – Какого цвета?

– Белого. Тебя интересует здоровье насекомых? Я проконсультировался со свояченицей, она энтомолог, да хранит ее Бог.

– Расскажи.

– Прежде всего осы не местные. Это азиатские шершни-мандарины. Иногда они попадают в Европу на грузовом транспорте, но не выживают подолгу в естественной среде. Однако мы полагаем, что они размножились тут, поскольку заразились «черной болезнью», вирусом, который обычно поражает пчел и вызывает пороки развития у личинок. Вероятно, колония адаптировалась к неидеальным условиям – пище с низким содержанием витаминов и слишком высоким или низким температурам.

– Закрытое помещение?

– Да, но это всё, что сообщила мне свояченица. Больше она ничего не смогла сказать.

Джерри знал лишь то, что помещение должно быть достаточно большим, чтобы держать в нем девушку, но об этом он предпочел умолчать.

15

Амала чувствовала себя обессиленной. В животе было пусто, потому что она не притронулась к еде, которую Орест принес на картонном подносе. Отварной рис, яблоко и стакан молока все еще стояли рядом с матрасом. Она не хотела к ним прикасаться, но запах проникал в ноздри, и ее желудок болел от голода едва ли не сильнее, чем лопатка.

Она снова посмотрела на поднос. Откуда ей знать, что еда не отравлена? Это казалось бессмысленным, но кто знает, как рассуждают такие, как он?

Амала потянулась к одноразовой пластиковой тарелке и с воплем отдернула руку, заметив ползающую по рису бескрылую осу. Затем смахнула насекомое и быстро, не чувствуя вкуса, очистила всю тарелку. В животе забурлило, и она упала на матрас, с головой накрывшись одеялом. Марлевая повязка вокруг крюка насквозь пропиталась гноем и кровью. Амала отхлебнула воды из бумажного стаканчика, запивая лекарство. Таблетка оставила отвратительный привкус на языке.

Она закрыла глаза и попыталась прислушаться к звукам снаружи. Из вентиляционных отверстий доносились только щебет птиц и трескотня насекомых. Не слышалось даже шума телевизора. Ни шагов, ни кашля, ни машин. Возможно, этот подвал находится где-то в сельской местности. Но в деревне в это время полно тракторов и пахнет навозом, а она ничего такого не чувствовала.

Амала с усилием поднялась. Ей хотелось исследовать каждый сантиметр своей тюрьмы, пока этот маньяк позволяет ей свободно передвигаться. Надежда, какой бы смутной она ни была, заключалась в том, чтобы найти путь побега или то, чем можно было бы воспользоваться в качестве оружия.

Когда Амала зашагала вперед, светодиодные ленты, приклеенные к потолку, зажглись, и плесень на стенах замерцала, делая деформированные лица на плакатах еще более чудовищными. Один из путей, которые Амала попробовала, привел ее к потайной двери между плакатами спа-салона – именно ею пользовался Орест. Она знала, что он там, хотя вдоль косяка виднелась только узкая полоска света. Эта дверь была ее спасением, но, даже если ей удастся отпереть замок, она найдет по ту сторону своего тюремщика.

Вдобавок Амала не сомневалась, что в стены встроены скрытые камеры. В этот момент он наверняка наблюдает за ней или записывает ее на пленку, чтобы спокойно просмотреть на досуге.

А туалет? Она добралась до кабинки в третьей комнате, повозилась с дверью, чтобы закрыть ее, несмотря на трос, затем ошупала стены и потолок. Никаких замаскированных объектов.

Она помылась под струйкой воды, стараясь не намочить повязку на лопатке и не наступить на вездесущих умирающих ос, выползающих из ниоткуда, а потом вытерлась одноразовым бумажным полотенцем. Зная, что, пока она находится здесь, Орест не может ее видеть, Амала почувствовала себя немного спокойнее. Это был ее крошечный уголок свободы. Для нее кабинка с турецким унитазом представляла собой что-то вроде знакомой фигуры. В детстве, видя унылые пластиковые параллелепипеды на отцовских стройплощадках, она любила представлять, что это роботы.

Обычно подобные туалеты устанавливают в местах без водопровода, тогда как здесь он явно имелся, но как насчет стока? Чтобы сливать воду, недостаточно проделать дыру в полу,

тем более в подвале. Должно быть, туалет установили на уже существующий сток – возможно, на водосточную трубу.

Амала взобралась на унитаз и покачалась из стороны в сторону, чтобы проверить, сдвинется ли он с места.

Один из краев керамической чаши приподнялся на пару сантиметров.

16

По пути в Читта-дель-Фьюме Джерри купил три разные дорожные карты на разных заправках и пачку рулонов скотча.

– Что, навигатор сломался? – спросил последний продавец, с радостью сбывая с рук товар, собиравший пыль годами.

– На ней сложно писать. Дадите еще фломастеры? Да, и эти печенья для собак, – сказал Джерри.

– Вы откуда будете? Немец?

– Яволь!

Он направился к въезду в центр города и, раздав собакам лакомства, развернул карты на капоте машины.

Периметр Читта-дель-Фьюме составлял примерно четыре квадратных километра, и с его территории можно было выехать в четырех направлениях: на юг – в Кремону, на запад – в Милан, на север – в Бергамо и Брешию. Государственная дорога, по которой можно было добраться до шоссе, также пересекала многочисленные проселки, проходящие полями и лесными массивами и прерываемые железнодорожными путями и мостами, пролегающими через Ольо незадолго до ее впадения в По.

Джерри объехал окрестности поселка, используя маленькую площадь в качестве эпицентра. Он проверил все маршруты, которые могла одолеть его машина, останавливаясь каждый раз, когда встречал камеру на заправке, светофоре или железнодорожном переезде, и отмечая их красными точками. Таким образом он выделил участок карты – около тридцати квадратных километров.

Внутри помещались редкие дома, поля, леса, промышленные здания и многочисленные покинутые территории, в том числе большая заброшенная сыроварня и множество развалившихся ферм. Когда в этих краях кто-то умирал, дома оставались пустовать, а окна заколачивались или зарастали паутиной.

Джерри выпил кофе в придорожном баре, напоил собак водой, а затем сосредоточился на таких местах, где можно спрятать фургон, прежде чем наткнуться на камеру.

На пятом часу поисков он обнаружил первые следы проезда фургона на территории заброшенного и полуразрушенного завода. К зданию вела каменная дорога в километре от места похищения, пересекающая почти полностью упавшее ограждение. Крыша здания все еще оставалась неповрежденной и поддерживалась бетонными балками, но три из четырех стен превратились в груды камней, тут и там покрытых граффити. Поблизости не было ни одного дома, а те, что подальше, прятались за деревьями. В траве, колыхаясь на ветру, поблескивало что-то белое.

Джерри вышел из машины, чтобы посмотреть на виниловую обертку. Он подобрал ее и развернул: это был всего лишь обрывок большого листа, белого с одной стороны и липкого с другой. Когда Иммануил рассказал о репозиционируемом ПВХ, Джерри представил себе метод, который похититель Амалы использовал, чтобы избежать обнаружения, и задумался, не являлся ли этот белый ПВХ частью автомобильной пленки – покрытием, предназначенным для маскировки повреждений кузова или для изменения цвета и моментального

возврата к исходному. Легкодоступный продукт, возможно немного сложный в нанесении, но, безусловно, быстро удаляемый.

Похититель был помешанным, но действовал с военной предусмотрительностью и намеренно показал белый фургон, чтобы затем выехать на государственную дорогу в другом цвете – не на другом автомобиле, который уже был бы найден, а просто в фургоне, который выглядел иначе. Он сэкономил время и избавил себя от необходимости добыть еще одну машину.

Джерри вернулся в машину и помахал виниловым обрывком перед сонными собаками, которые продемонстрировали равнодушие к его находке:

– Что скажете, это тот самый?

Ответа он не получил. Заин, трехлапый метис, неуверенно лизнул ему руку.

Вернувшись в «убежище», как он окрестил свой арендованный домик, Джерри принял душ и переоделся, затем покормил собак и вымыл в ванне пса, извалявшегося в коровьем дерьме. Затем вернулся к ювелирам и оставил им на экспертизу обрывок ПВХ.

Позже он открыл на айпаде свою записную книжку, спрятанную в программе, похожей на игровое приложение. В ней находились досье примерно пятидесяти человек, и Джерри поискал совпадения с именами, которые назвал ему Нитти. Совпадение нашлось одно – шестидесятилетний мужчина, в настоящее время занимающий должность начальника уголовной полиции Монцы.

Джерри мало что знал о нем, кроме того, что трижды в неделю он ходит на массаж в медицинский салон из-за проблем с позвоночником, вызванных давним несчастным случаем. Он ездил с водителем, по совместительству телохранителем, который дожидался его у выхода, и жил со своей семьей. Сегодня был день массажа, и Джерри тронулся в путь, приехав как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот вылезает из автомобиля и входит в салон. Здесь было слишком много людей, чтобы последовать за ним, а улица изобиловала камерами. «Жаль, не получится его допросить», – подумал Джерри, обматывая пальцы скотчем.

Он сел в машину, уехал из Сан-Джерардо и кружил по улицам, пока его взгляд не засек мотоцикл с мощным двигателем – владелец в этот момент как раз припарковывал своего железного коня. Оставив машину на расстоянии километра, Джерри вернулся, взломал багажный кофр байка и надел шлем, который нашел внутри, затем открыл замок на цепи и завел двигатель ножиком в тот момент, когда владелец вышел из магазина и безуспешно попытался его догнать.

Кружным путем он вернулся на улицу салона, где подождал ровно пять минут, прежде чем вышел его человек. Когда водитель вылез из автомобиля, чтобы открыть ему дверцу, Джерри прибавил скорость и вылетел на тротуар, а в нескольких метрах от мужчины повернул и позволил мотоциклу упасть, откатившись в сторону перед столкновением.

Болид попал в мужчину и сорвал дверцу автомобиля, зацепившую водителя. Оба упали, и первый превратился в кровавое месиво. Джерри поднялся и, специально для прохожих крикнув: «О боже!» и «Я не хотел!», подбежал к двоим, лежащим на дороге.

Его человек еще дышал, и Джерри сбежал, пройдясь по его голове, которая, как он почувствовал, раскололась под подошвами армейских ботинок. Так после тридцати пяти лет почетной карьеры погиб Даниэле Амато.

Франческа оказалась в машине, даже не осознавая, что села в нее, и ехала по провинциальной дороге, ощущая себя старухой. Руки у нее дрожали, мысли путались, еще более путанные воспоминания всплывали, чередуясь со вспышками необычайной ясности.

В паре километров от съезда на Кремену она остановилась на стоянке на шоссе, бессмысленно глядя на поток машин.

«Что, если это правда?» – в сотый раз спросила она себя.

Рациональная часть ее сознания отказывалась в это верить. Франческа не верила ни в призраков, ни, как поется в той песне Ника Кейва, в божественную «интервенцию»¹⁷. И все же...

Она вылезла из «теслы», и ветер привел ее в себя. Вероятность, что похищение Амалы каким-то образом связано с Контини, составляла один на миллиард. Но она не могла позволить себе отбросить эту единственную возможность спасти племянницу.

По обочине медленно проехал патрульный автомобиль, и один из полицейских уставился на нее в окно. «Они спрашивают себя, кто эта чокнутая, болтающая сама с собой», – подумала Франческа. И они были правы, потому что ее связь с реальностью ускользала. Она усилием воли вернула ясность мышления, с тоской подумала, что раньше могла бы зажечь сигарету, и вернулась в контору.

Хотя мысли ее блуждали далеко, Франческа до вечера проводила встречи со старшими сотрудниками. Все они были превосходными юристами, которые предпочли остаться под ее руководством, но еще не прониклись к ней тем доверием, с каким относились к ее отцу. Самуэле вошел в кабинет начальницы, когда остальные выходили. Кавальканте уже разговаривала по телефону с братом, который кричал в трубку, что эти недоумки-карабинеры ведут поиски через задницу и что он... и так далее.

– Держись, Тан, – сказала она наконец и со вздохом завершила звонок. – Черт...

– Если хотите, я вернусь завтра... – смущенно произнес Самуэле.

– Не надо... Тебя покусали, когда ты входил? – спросила Франческа.

– Нет, но, думаю, они с удовольствием покусали бы вас. Если встреча длится меньше двух часов, они чувствуют, что ими пренебрегают. Так говорил ваш отец.

Франческа невольно улыбнулась:

– За словом он в карман не лез... Ты закончил с папками?

– Нет. К сожалению, мне не хватает контактных данных некоторых бывших клиентов. Но я уже неплохо продвинулся.

– Хорошо, прервись пока. Сначала мне понадобится новое исследование, чуть посложнее.

Самуэле протер линзы очков амарантовой тряпочкой.

– Простите, госпожа адвокат, но я веду два процесса и чудовищно отстаю. – Он снова надел очки, как раз вовремя, чтобы увидеть выражение ее лица. – Понял, вас это не интересует. Но остальные мои *повелители* придут в ярость.

– Я потом с ними поговорю... Послушай... – Франческа с трудом заставила себя вслух заговорить о том, что казалось ей большими фантазиями. – Мне нужно, чтобы ты провел небольшое исследование в отношении пропавших девушек – несовершеннолетних девушек от шестнадцати до семнадцати лет, которые, возможно, были убиты, но чьи смерти никто не расследовал или расследовали плохо. Ограничься теми, которые пропали между Ломбардией и Эмилией-Романьей, особенно если несколько месяцев спустя их обнаружили в реках.

– За какой период? – в замешательстве спросил Самуэле.

– За последние тридцать лет.

– Госпожа адвокат... простите, уж не ищете ли вы связь между вашей племянницей и печально известным Речным монстром?

Франческа несколько мгновений молчала.

¹⁷ Речь идет о песне «Into My Arms» австралийского рок-музыканта Ника Кейва с альбома «The Boatman's Call», записанного им с его группой *The Bad Seeds* в 1997 году.

- Что ты об этом знаешь?
- Контини – наша местная гордость, а вы защищали его, я видел в группонах. А ваша племянница – ровесница жертв заправщика... Простите, зря я это сказал.
- Действительно зря. – Франческа холодно посмотрела на него. – Если не хочешь, чтобы твоя стажировка закончилась, ни с кем не обсуждай эту историю.
- Послушайте, я не трепло, – встревоженно сказал Самуэле. – Значит, это правда? Вы ищете нового Окуня?
- Не факт, что нового. Возможно, Контини не был убийцей...
- Если не ошибаюсь, на него указывали физические улики. Нижнее белье жертвы и окровавленный нож...
- Перечитав досье, я задаюсь вопросом, как вообще были приняты эти улики. Нашли их случайно при обыске по подозрению в хранении наркотиков, и никто так и не провел анализ земли из горшка, где они были спрятаны. К тому же Кристину, девушку Контини, задушили, как и остальных жертв. При чем здесь нож?
- Может, он взял немного крови в качестве сувенира. Иногда серийные убийцы так поступают.
- Так делал Декстер¹⁸. Я тоже смотрю «Нетфликс».
- Самуэле покраснел:
- Но почему его приговорили, если не было высокой степени вероятности вины?
- Контини был наркоманом, встречался с несовершеннолетней и никому не нравился. Он был из тех, кто может убить кого-то в драке – возможно, даже девушку, но не трех. Три – это патология.
- Многие социопаты хорошо это скрывают. Они не испытывают тех же чувств, что и все, но имитируют их, чтобы манипулировать людьми.
- Я была молода и глупа, но не настолько, – покачала головой Франческа.
- Вы могли бы поговорить об этом с окружным прокурором Металли...
- Сначала я должна понять, реальна ли такая возможность. Плевать, что обо мне подумают, но я не хочу, чтобы следствие теряло время на мои фантазии. У меня нет никаких доказательств, что Контини действительно был невиновен, а настоящий монстр до сих пор остается на свободе. Поэтому я и прошу тебя немного покопаться в данных. Ты хорош в исследованиях, все здесь говорят мне, что тебе больше нравится работать в бэк-офисе, чем ходить в зал суда.
- Да, это правда, я люблю собирать из кусочков единую картину. Но вы ведь понимаете, что в Италии каждый день пропадают тридцать пять несовершеннолетних...
- И что находят только одного из трех, – продолжила за него Франческа. – Но все-таки ты можешь это сделать. Свяжись с межведомственным центром обработки данных, козырни названием конторы и запроси актуальные данные.
- Если таковые существуют.
- Что ты имеешь в виду?
- Ввод данных зависит от усмотрения отдельных агентов, и не каждый хочет возиться, особенно если пропавшие – наркоманки, иммигрантки или родом из бедных семей. И даже когда расследование открывают, если что-нибудь быстро не всплывает, оно закрывается, и собранные данные ложатся под сукно.
- Система такая, какая она есть, ты привыкнешь.

¹⁸ Декстер – серийный убийца, герой одноименного американского сериала («Dexter», 2006–2013), основанного на романе Джеффри Линдсея «Дремлющий демон Декстера» («Darkly Dreaming Dexter», 2004).

18

Джерри вернулся в «убежище», бросил ботинки и одежду в ведро с хлоркой, принял душ, переоделся и, на этот раз прихватив с собой всю свою стаю, снова отправился к ювелирам.

– Мы не можем с уверенностью сказать, тот ли это кусок ПВХ, но состав совпадает с найденным на осах, да будет благословенно имя Божье за помощь, которую Всевышний оказал нам, – сообщил Иммануил.

– А вы знаете, какое транспортное средство было им обклеено?

– Модель – нет, но я нашел следы красной краски для грузовых автомобилей. Точное название – «Красная эмаль 169».

– Кто знает, для скольких машин ее использовали...

– Только для грузовиков «фиат» двухтысячного года выпуска. Они меняются каждый год.

– Мне этого достаточно, – сказал Джерри.

Джерри заглянул поужинать на веранду трактира, пока стоя паслась во дворике, за исключением Алеф, не отходившей от него ни на шаг. Он перекусил сэндвичем, который показался ему весьма сомнительным, и пивом, затем взял айпад и поискал веб-камеры в северном направлении. Таковых нашлись две: в мебельном магазине и в школе дизайна.

Он запустил запись первой – архив за последний месяц, – и в 15:35, согласно тайм-коду, на ней показался красный фургон. Ни водителя, ни номерного знака не было видно.

Однако вторая веб-камера, расположенная в трех километрах к северу, никакого фургона не показала. Джерри проверил маршрут автовоза, который на первой записи проехал почти одновременно с «красной эмалью», и увидел, как он своевременно появился снова десять минут спустя. Он собрал стаю, раздал печенье и ласки, затем двинулся в том же направлении в поисках дорог, на которые мог свернуть похититель Амалы.

Он обнаружил виадук, стройплощадку и несколько проселков через поля, а затем перегороженная дорога вызвала у него сильный зуд в затылке. Вот он, его знак. Ее закрывал шлагбаум с табличкой «Частная собственность», оба ржавые и пыльные, но навесной замок, запиравший шлагбаум, валялся посреди грунтовки.

Джерри оставил «вольво» и, сопровождаемый стаей, направился по тропинке через кукурузное поле. Оранжевое небо рассеивало бледный свет, отбрасывающий мимолетные тени среди готовых к уборке початков, но собаки не бросались на них. Они поняли, что время для игр миновало, еще раньше, чем их хозяин.

Джерри подошел к старому кладбищу, где уже стемнело, и увидел у входа троих мужчин прежде, чем они заметили его. Он спрятался в поле, и стая припала к земле рядом с ним. Мужчинам было лет по тридцать, все трое спортивного телосложения и в пиджаках.

– ...сюда? – спросил один, отмахиваясь от полчищ комаров.

– Охраны здесь нет, – ответил другой. – По субботам приходит сторож, чтобы совершить обход, а по воскресеньям – день посещений. В остальное время здесь безлюдно.

Троица открыла калитку и вошла на кладбище, их голоса стихли.

Джерри приказал собакам оставаться на месте и приблизился, спрятавшись за статуей архангела Гавриила. Выглянув между мраморных крыльев, он увидел «красную эмаль», припаркованную среди кипарисов. Необычное укрытие, безопасное для того, чтобы перенести девушку из одного транспортного средства в другое, но обреченное вскоре быть обнаруженным. Похититель Амалы не собирался больше использовать фургон.

Джерри переместился за гранитное надгробие супружеской пары с крестообразным отверстием на уровне его ушей.

– ...пригонят грузовик с лебедкой, и мы его погрузим, – говорил один из мужчин.

– Не лучше ли сделать все здесь? – спросил другой.

– Все-таки это кладбище, хотя и закрытое. Время от времени кто-нибудь приходит прибраться, и мы не знаем когда. Оставайся и жди, ладно? Если возникнут проблемы, звони.

– Конечно...

– Значит, договорились. Мы уезжаем сопровождать грузовик.

– Если найдете табачную лавку, купите мне пачку «Кэмела».

Двое качков сели в мощный автомобиль и уехали. Третий сунул в рот сигарету, роясь в карманах в поисках зажигалки. Джерри взял его шею в захват сзади и упал вместе с ним.

Мужчина попытался дотянуться до пистолета в кобуре на поясе, но его движения были слабыми и неловкими. Он потерял сознание.

Джерри вывернул его карманы. Он нашел удостоверение частного охранного агентства «Цапля», разрешение на ношение оружия, швейцарский ножик, бумажник с сотней евро и мелочью и пачку пластиковых стяжек. Джерри забрал сотенную купюру и нож и, связав ему запястья и щиколотки стяжками, сказал ему на ухо:

– Я знаю, кто ты. Бросай эту работу, иначе я приду за тобой и убью тебя и твою семью. Не пытайся на меня посмотреть и не шевелись, пока я не уйду.

Мужчина перестал брыкаться. Джерри взял его мобильник, чтобы воспользоваться им в качестве фонарика.

Замок водительской дверцы «красной эмали» был взломан, следы взлома имелись и на ключе зажигания. Фонарик осветил выдраенную приборную панель, пустой бардачок, начищенный руль. В кабине все еще стояла вонь отбеливателя.

Он открыл двигательный отсек, и, когда поднял капот, в воздух поднялась туча ос. Ко внутренней стороне капота было прикреплено маленькое сероватое гнездо неправильной формы, похожее на шляпку гигантского гриба. Сбив его камнем, Джерри вытащил липкий от масла корпус фильтра. Он вернулся к связанному мужчине, разрезал стяжки на его запястьях, снял с него пиджак, чтобы завернуть фильтр, а затем связал его снова. Тот не оказал никакого сопротивления.

Он попробовал загрузочную дверь, и она легко отперлась. В памяти всплыл обрывок осознанного сна; сцена была настолько похожей, что он не удивился бы, обнаружив, что там заперта женщина-насекомое. Но внутри было пусто и чисто.

В свете фонарика виднелись матовые следы на внутренних лонжеронах. Призраки длинных полосок скотча. «Пластиковые листы, – подумал он. – Отбеливатель. Никаких органических следов».

Джерри медленно повел лучом, обнаруживая целую вселенную царапин, покрывающих все внутренние стены фургона, защищенные пластиковыми листами. Он тщательно осматривал кузов, освещая бесчисленные отметины, оставленные на стенах, когда почувствовал привычный зуд в затылке.

«Что это?»

Он сел на пол, внимательно водя фонариком от стены к стене и стараясь освободить разум. «Ты ничего не ищешь, – сказал он себе. – Оставайся открытым». Однако на этот раз трюк не сработал – досадно, но он не хотел портить момент.

Джерри вернулся к связанному мужчине, помог ему подняться и заставил вприпрыжку проскакать на безопасное расстояние. Потом взял одну из пластиковых бутылок, из которых старухи поливают цветы на могилах, забрался под фургон, открепил топливопровод и наполнил ее бензином, оставив его стекать в лужу на траве. Затем облил из бутылки грузовой отсек и, бросив туда пару охапок хвороста, поджег их зажигалкой.

Огонь тут же занялся, и Джерри еще несколько мгновений постоял, любуясь языками пламени, облизывающими и чернящими кузов. Зуд стал очень сильным. Он вернулся, чтобы взглянуть сквозь пламя, и наконец ясно увидел то, что заметил инстинктивно. Черный дым

оставлял копоть на листовом металле, подчеркивая каждую отметину и царапину. На секунду, прежде чем дым превратился в непроницаемое облако, на нижнем краю одной из внутренних стен проявилась выявленная пеплом надпись, криво начерченная чем-то острым.

Это были инициалы: *СВ*.

19

Вместе с ужином – супом, плавлеными сырками и крекерами – Амала получила несколько старых детских книг, о которых никогда не слышала, но которые немного ее утешали. Без Интернета, телевизора и мобильного ей нужно было чем-то заполнить огромные отрезки времени в этом подвале, особенно теперь, когда парализующий ужас слегка отступил. Своими твердыми обложками и суперобложками с примитивными иллюстрациями эти издания походили на книги с уличных развалов. Одна называлась «Шиворот-навыворот»¹⁹ и рассказывала о мужчине, поменявшемся телами со своим сыном, другая – «Застенчивая Виолетта»²⁰. Обе были настолько зачитанными, что страницы покрылись пятнами или истерлись, а то и вовсе отсутствовали, а устаревший язык авторов немного навевал скуку, но когда Амале удавалось пробежать глазами две страницы подряд, она на краткие мгновения забывала, где находится. Однако разбирать буквы и слова под тусклыми светодиодными полосами было тяжело, и, когда свет из вентиляционных отверстий померк, она прекратила чтение.

Отложив «Виолетту», она снова задумалась о стоке уборной и о том, что может скрываться под полом. Если это канализационный коллектор или сток под открытым небом, она могла бы через него выбраться наружу. Оставалась проблема с тросом, но, если найти что-нибудь твердое и острое, например край железной трубы, его можно было бы постепенно отпилить.

Амала дотронулась до крюка в своей лопатке: марля вокруг него снова промокла, и, понюхав пальцы, она почувствовала неприятный запах.

«Если я как можно скорее его не отцеплю, то умру от заражения крови».

Завернувшись в одеяло, она дотаскилась до уборной по самому длинному пути, который оставлял ей дополнительные полметра свободы на привязи, и, запершись в кабинке, снова покачалась на турецком унитазе, пытаясь поднять его как можно выше. Когда ей это удалось, она воткнула кусочек картонного подноса в зазор, чтобы он не закрылся. Те же манипуляции она повторила с краю унитаза, пока зазор не стал достаточно большим, чтобы просунуть пальцы и рвануть изо всех сил. Керамическая чаша накренилась градусов на двадцать, а затем застопорилась. Амала заглянула под нее, но ничего не смогла увидеть, и, вместо того чтобы поднимать унитаз, она попыталась повернуть его, используя сточную трубу в качестве оси. Преуспев, она поставила край унитаза на пол, а потом свернулась калачиком, упираясь ногами в гибкую пластиковую стену кабинки, и просунула внутрь руки до самых костяшек. Пальцы погрузились в густой, липкий слой грязи и нечистот, от которого исходила ужасная вонь.

Накатил приступ тошноты, но она подавила его и погрузила в эту гадость руки по запястья, коснувшись железной трубы.

Что-то поползло по ее руке, и она стряхнула это и смыла гадость под струей воды. В стоке с жужжанием исчезла трехкрылая, безногая оса.

Амала размяла ноющие мышцы и снова свернулась калачиком, до предела натянув трос и чувствуя, как винты трутся о ее кости. Сточная труба исчезала в бетонной плите, но, пошарив

¹⁹ «Шиворот-навыворот» («Vice Versa», 1882) – комический фантастический роман британского писателя-юмориста Томаса Энсти Гатри, писавшего под псевдонимом Ф. Энсти.

²⁰ «Застенчивая Виолетта» («Violetta la timida», 1963) – подростковый роман итальянской писательницы Джаны Ангисоллы (1963).

под турецким унитазом, она обнаружила отверстие размером с кулак, за которым, похоже, была пустота. Температура там была холоднее, и ей показалось, что она ощутила на коже дуновение ветра.

Вряд ли за преградой находилось открытое пространство, но возможно, там есть какое-то соединение. Орест или его работники сдвинули плиту, чтобы установить туалет, закрыв предыдущее отверстие, но справились с задачей неидеально. Требовалось что-нибудь, чтобы сломать плиту. Амала нащупала трещину в бетоне шириной с ее ладонь, но, потянув, добила только легкого подрагивания. Отломив достаточно большой кусок, она могла бы защититься им от маньяка, даже если бы ей не удалось каким-то образом выбраться через отверстие. «Намажь меня мазью», – попросит она, а когда он подойдет поближе, она резко развернется и ударит его по голове. Оставалась проблема, как сбежать. Если она не придумает, как отцепить трос, то умрет от голода рядом с трупом своего тюремщика.

Ей вспомнились выпуски «Еженедельных головоломок» с незаконченными кроссвордами, которые отец вечно бросал в туалетах дома (мама разгадывала только кроссворды в *The New York Times*). Иногда там печатали карикатуры с бородатыми узниками, подвешенными к стенам средневековой темницы среди скелетов. Теперь они уже не казались такими забавными.

Когда она сменила позу, чтобы дать отдых мышцам ног, привязь провисла и зацепилась за зазор под унитазом. Амала начала доставать ее, чтобы та не защемилась, но на середине жеста остановилась и подползла по полу на животе поближе к дыре: изгиб привязи опускался в сток. Амала сложила из него своего рода петлю и закрепила за бетонный выступ. Чтобы трос не дернул за лопатку, она обернула его вокруг руки, а затем уперлась ногами и потянула. Сначала ничего не происходило, потом что-то хрустнуло, и кусок бетона отвалился, высвободив трос. Амала упала навзничь, ударившись раной, и до крови прикусила губу, чтобы не закричать, но хотя она снова пролезла рукой в отверстие, ухватить камень так и не смогла. Она услышала, как он отскочил от металлической трубы, а затем шумно покатился, как будто упав на наклонную металлическую поверхность.

Испугавшись, что эти звуки могли донестись до Ореста, она поднялась на колени и поскорее поставила чашу унитаза на место. Прежде чем она успела ее задвинуть, из дыры под ней раздался душераздирающий крик.

Охота. Наши дни

20

После очередной отвратительной ночи в доме Танкреда Франческа ворвалась в контору невыспавшейся и во вчерашней одежде: если бы она заехала к себе в квартиру, у нее не хватило бы сил выйти оттуда. В ее отдельном туалете на работе имелся маленький гардероб как раз для таких чрезвычайных случаев, и она собиралась переодеться там.

Франческа зигзагами пронеслась между столами в *open space*²¹, кивая в ответ каждому, кто хотел с ней поговорить, и направилась прямо к столу Самуэле, который с обведенными усталостью глазами стучал по клавиатуре.

– Ты что, спал здесь? – удивилась она.

– Доброе утро, госпожа адвокат. Нет, я всю ночь работал у себя дома.

– Чем вызван такой похоронный тон? Ты что-то нашел или не нашел ничего?

– К сожалению, первое.

Желудок Франчески сжался.

– Зайди ко мне минут через десять.

Когда Самуэле явился в кабинет, она уже переделалась в чистое и сидела за письменным столом, добавляя в чай капельку коньяка. Кипа документов, ожидающих ее рассмотрения, настолько выросла, что отбрасывала тень.

– Хочешь? – спросила Франческа, покачивая бутылкой.

– Рановато для меня.

– В обычных обстоятельствах и для меня тоже, но, знаешь ли, у меня был дерьмовый день. Очень долгий дерьмовый день, хотя еще всего десять утра.

– Есть новости о вашей племяннице?

– Нет. Итак, я слушаю. Кто эта жертва?

– Возможная жертва.

– *Возможная* жертва. Ясно, продолжай!

– Ее зовут – или звали – София Вулло. На момент исчезновения ей было семнадцать лет.

– Когда она пропала?

– Чуть больше года назад. Но странность в том, что это случилось ровно через тридцать три года после похищения Кристины Мадзини, которую тогда считали третьей жертвой Контини.

– Девушки пропадают почти каждый день.

– Вулло – особый случай. Она жила в Понте-дель-Олио, в провинции Пьяченца.

– Я знаю, где это. Я здесь родилась.

«...А переродилась в Англии», – всегда добавляла она, рассказывая о себе лондонским друзьям. Теперь она начала задаваться вопросом, было ли это когда-нибудь правдой.

– Простите. – Самуэле потянулся к очкам, но одернул себя. – Не знаю, что случилось с ее родителями, но жила она в приюте для несовершеннолетних. И училась в одной школе с вашей племянницей.

На этот раз Франческа слегка вздрогнула.

– И ты говоришь мне это в последнюю очередь?

– Вы приводите меня в замешательство. По сути, как и вся эта история.

²¹ Офис открытого типа (*англ.*).

– Как ты узнал, что они вместе учились?
– Помните, старшеклассники из школы Амалы приходили на экскурсию к нам в контору? Вы тогда как раз вернулись в Италию.
– Сколько там было ребят, человек сто?
– Чуть меньше. Среди них была и София.
– И ты запомнил ее? Ты, случайно, не андроид?
– Нет, но меня посадили проверять пропуска. И эта девушка особо подчеркнула, что она тезка Софи Лорен. «Только я красивее», – заявила она. В общем, она мне запомнилась.
– Если бы такие замечания о несовершеннолетней девочке отпускал кто-то другой, я бы забеспокоилась. Но ты – это ты.
– Вы ведь в курсе, что я гей? – ответил Самуэле, покраснев. – Да и вообще с тех пор я ни разу о ней не думал, пока не наткнулся на ее имя в архиве.
– У тебя хорошая память.
– Вы сообщите об этом окружному прокурору Металли?
Франческа понюхала остатки чая и пришла к выводу, что, приправленный алкоголем, он ей не нравится.
– Мне все еще кажется, что этого маловато, чтобы его убедить.
– Вы могли бы попытаться...
– Если ты уверен, я позвоню ему. Я знаю, что ты не станешь меня обманывать: ты уверен, Самуэле? – Парень не ответил, и Франческа устало кивнула. – Вот видишь. Найди мне приют, где жила эта бедняжка.

21

Джерри проснулся еще до рассвета, и собаки вскочили вместе с ним, за исключением Заина, трехлапого метиса, который лениво наблюдал за хозяином с кровати. Взгляд у пса был немного мутным.

Джерри принял душ под струей воды, которая скорее капала, чем текла, и надел старый мятый халат, найденный в доме. Потом позавтракал вместе со стаей – воздушный рис для всех, кофе американо только для него – и полистал новости на айпаде. Наконец проверил, не пропадали ли в окрестностях девушки, чьи инициалы совпадали с инициалами, обнаруженными им в фургоне. Вскоре он наткнулся на имя семнадцатилетней девушки, пропавшей немногим больше года назад: София Вулло.

Заина вырвало воздушным рисом. Джерри вытер лужу, погрузил стаю в машину, надел кипу и нанес очередной визит ювелирам. Иммануил, похоже, не удивился при виде него, но утратил самообладание, когда Джерри положил на верстак фильтр.

– Я благословляю твое присутствие, брат, но рядом есть автосервис.
– Да благословит Господь тебя и твою семью, но мне нужны вы. Мне необходимо узнать, что внутри: частицы, семена, земля... И если получится, также датирование находок.
– Какое датирование? Радиоуглеродное?
– Геологическая эпоха меня не интересует – только очередность попадания в фильтр. Иммануил натянул перчатки и повертел коробку в руках.
– Если фильтр внутри такой, как я полагаю, то он состоит из слоев волокна с электростатическим зарядом. Когда один слой переполняется, новые осадки оседают поверх него и так далее.
– Значит, в центре находятся самые старые.
– К сожалению, это зависит также от размеров частиц, потому что самые мелкие обычно повторяют контуры волокон, а крупные остаются на поверхности. Если Господь мне поможет,

возможно, я смогу дать тебе какие-то существенные сведения, но не слишком на это рассчитывай.

- Да направит Бог твои руки.
- Тебе нужно что-то еще?
- Как добраться до Понте-дель-Олио?

Путь оказался недалгим. Приют для несовершеннолетних, где жила София Вулло, походил на одну из тех пригородных вилл, которые строят как по шаблону – с крыльцом, небольшим садиком и ярко-красной крышей. Впрочем, это здание в три раза превышало размер подобной виллы и обладало налетом госучреждения, гасившим всю радость.

Собрав волосы на затылке и расчесав бороду, Джерри гулял перед входом с Алеф на поводке, пока ему не удалось завязать разговор с одной из воспитанниц. Несмотря на слегка бродяжническую внешность, он был привлекательным мужчиной, и его стиль в духе «Into the Wild»²² производил впечатление, особенно на юных девушек – в данном случае на изящную семнадцатилетнюю брюнетку по имени Патриция, с большими глазами, подведенными карандашом, и следами прыщей, замазанными тональным кремом. Джерри повел ее угоститься пиццей в закусочную неподалеку от приюта, усадив под зонт с рекламой мороженого и представившись журналистом израильского общественного телеканала «Кан».

- Я ищу интересные сюжеты, – сказал он. – По справедливой цене.
- А твои представительские расходы включают напитки? – спросила Патриция.
- *Be my guest*²³.
- Тогда я возьму спиритц²⁴.

Джерри заказал себе пива. Пицца, жирная и поэтому аппетитная, прибыла сразу после напитков. Половину съела Алеф.

– Какие сюжеты тебя интересуют? – спросила Патриция, потягивая через соломинку коктейль.

- Например, история Софии Вулло.

Она окинула его не по годам взрослым взглядом:

- А ты точно журналист? Потому что я не знаю, кому может быть не наплевать на Софию. Джерри положил под салфетницу четыре купюры по пятьдесят евро.
- Мне. Что тебе известно о ее побеге?

Девушка уставилась на деньги:

- Я могу их взять?
- Если ответишь.

– София сбежала в прошлом году. Она уже не раз удирала, но раньше никогда не пропала надолго.

- Куда, по-твоему, она отправилась?

– Мне она ничего не говорила. Может, пришлет мне открытку, чтобы я к ней приехала. Как в «Побеге из Шоушенка»²⁵.

- Она забрала с собой свои вещи?

²² «В диких условиях» (англ.) – драматический фильм 2007 года американского режиссера Шона Пенна по одноименному роману Джона Кракауэра, герой которого отвергает материальные ценности современного общества и бежит от цивилизации, чтобы поселиться среди дикой природы.

²³ Угощайся (англ.).

²⁴ Спритц – слабоалкогольный итальянский коктейль (просекко, битер и содовая).

²⁵ «Побег из Шоушенка» («The Shawshank Redemption», 1994) – американский драматический фильм Фрэнка Дарабонта о побеге из тюрьмы несправедливо осужденного заключенного, основанный на повести Стивена Кинга «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка» (1982).

– Только то, что было у нее в сумочке. Но тут нет ничего странного. Когда ты сбегашь, твое барахло убирают на чердак, а когда возвращаешься – отдают обратно. Лично я думаю, что она вернется, когда ей исполнится восемнадцать, чтобы ее не могли здесь удержать. Я имею в виду, не то чтобы нас привязывали к кровати, но мы все находимся здесь по предписанию какого-нибудь судьи... и случается всякая фигня.

Джерри бросил Алеф последний кусок пиццы.

– Расскажи, как это случилось.

– Да особо и рассказывать нечего. Она ушла и не вернулась.

– В котором часу?

– Разве ж я помню...

Джерри забрал деньги и сунул обратно в карман.

– Если ты ничего не знаешь, ты мне не нужна. Считай, что я просто угостил тебя обедом.

– Черт, да погоди ты. Об этом никто не должен узнать, и, если что, я ничего тебе не говорила.

– Я уже забыл, кто ты такая. – Джерри снова выложил деньги на стол.

– Ночью можно выйти, не потревожив сигнализацию. Когда меняют код, кому-нибудь из нас всегда удастся его заполучить.

– И София это сделала.

– Да, и улизнула около полуночи.

– У нее было назначено свидание?

Патриция смущенно поерзала на стуле, затем отошла, чтобы попросить у официанта сигарету, и снова села.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.